

В. П. БИЛЛИК

ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРИЧИНЫ ПОБЕДЫ
ФЕВРАЛЬСКОЙ И ВЕЛИКОЙ
ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИЙ В РАБОТАХ НЕМЕЦКИХ
БУРЖУАЗНЫХ И РЕФОРМИСТСКИХ ИСТОРИКОВ
ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА (1946—1963 ГГ.)

Позиция буржуазных и реформистских историков по вопросам, указанным в заглавии настоящей статьи, представляет большой интерес, поскольку сведения и объяснения по проблемам революции в России, которые читатели в капиталистических странах могут почерпнуть из издающейся там литературы, оказывают немалое влияние на формирование их политических взглядов и мировоззрение. Несомненный интерес представляют и методологические установки буржуазных авторов, их подход к данной проблеме, круг вопросов, на которых они сосредоточивают свое внимание.¹

Мы стремились к тому, чтобы наш критический анализ представлял собой объективную и полезную информацию для советских читателей и чтобы наши критические замечания были убедительными также и для тех читателей, которым рассматриваемые нами книги предназначены.

Для достижения этой цели важно показать, что антикоммунизм, в той или иной мере характеризующий позицию большинства буржуазных историков,² препятствует им, вопреки часто встре-

¹ Тематически и в части подхода к критике буржуазной историографии настоящая статья примыкает к двум нашим предыдущим статьям: Некоторые вопросы истории Советского общества 1917—1920 гг. в освещении немецких буржуазных историков. В сб.: Рабочие Ленинграда в борьбе за победу социализма, М.—Л., 1963, стр. 289—332; К вопросу об освещении предпосылок и причин победы Октябрьской революции в буржуазной историографии. В сб.: Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, М., 1964, стр. 435—447.

² Говоря о буржуазной историографии, мы имеем в виду одновременно в большинстве случаев и реформистскую историографию, ибо позиция бур-

чающимся широковещательным обещаниям, прийти к объективным выводам в своих работах. При этом надо показать, что некоторые неверные, необъективные выводы и утверждения буржуазных авторов в ряде случаев вступают в противоречие с фактическими данными, приведенными в их же собственных работах, или опровергаются выводами других буржуазных историков.

Важно установить, что в трудах буржуазных историков встречаются положения и выводы, свидетельствующие об известном влиянии на них марксизма, чему в наших работах о буржуазной историографии зачастую не уделяется должного внимания, а это приводит к упрощениям в трактовке взглядов наших противников. Вопрос о предпосылках и причинах победы революции в России объективно и обстоятельно освещен в марксистской литературе, но, мы полагаем, краткое изложение (в ряде случаев словами самих авторов) того, что, по нашему мнению, соответствует или приближается к истине в рассматриваемых нами трудах буржуазных историков, представляет определенный интерес для советских читателей, которые только таким путем могут получить конкретное и живое представление об этих трудах и об их авторах. С тем чтобы лучше достигнуть поставленной цели, мы сосредоточили внимание лишь на нескольких работах.

Но если для советских читателей выявление позитивной стороны в рассматриваемых работах важно лишь для полноты и объективности информации, то для западногерманских читателей оно имеет несомненное положительное познавательное значение, поскольку объективные данные и заключения, которые содержатся в этих работах, зачастую затемняются и отодвигаются на задний план неверными рассуждениями и необъективными выводами.

На рубеже 40-х и 50-х годов, когда в Западной Германии возобновилось в широких масштабах «изучение Востока» („остфоршунг“), авторы некоторых из появившихся тогда работ, пытаясь объяснить решающую роль Советского Союза в разгроме гитлеровской Германии, вынуждены были сделать неутешительные для всего предшествующего «остфоршунга» выводы. Так, Артур Юст, автор изданной в 1949 г. книги «Россия в Европе» (этим названием Юст хотел возразить «отлучающим» Россию от Европы), и Евгений Лемберг, политическая ориентация которого также видна из заглавия его вышедшей в 1950 г. книги «Восточная Европа и Советский Союз. История и проблемы мира за желез-

жуазных и реформистских историков по рассматриваемым в настоящей статье вопросам не зависит от принадлежности того или иного автора к реформистской партии.

ным занавесом», сошлись на том, что «немцы. . . по настоящему Востока не знали».³

Юст уточнял, что в Германии не поняли необходимости хороших отношений с СССР, а Лемберг добавлял, что в незнании России — «причина катастрофы, которая постигла немцев». Однако, хотя Лемберг и претендует в своем труде ни много, ни мало как на продолжение дела Гердера в области изучения истории славянства,⁴ претензия эта оказывается явно неосновательной. Отстаивая идеалистическую «концепцию национального характера» в качестве основы познания хода истории, Лемберг противопоставляет с подобных позиций России не только Западу, но и Срединной Европе (Ostmitteleuropa), которую он выделяет в «историческую индивидуальность».

Следует, однако, отметить, что ряд реакционных буржуазных историков, в том числе и те, о которых идет речь в настоящей статье (Г. Штёкль, К. Руффман, О. Анвайлер), обходятся без идеалистической концепции Лемберга, а Анвайлер в рецензии на книгу Лемберга пишет, что «человек Востока», противостоящий «человеку Запада», не существует в действительности».⁵

Немецкий историк-марксист Е. Винтер правильно указывает, что неудачная попытка Лемберга объяснить с позиции противопоставления Востока Западу основные события истории России и СССР отнюдь не случайна: идея противопоставления Срединной Европы и Западу и России всегда использовалась немецкими правящими классами в экспансионистских целях, а другими империалистами Запада — для того, чтобы вбить клин между Германией и Россией.⁶ Вместо «заполнения бреши в познании Востока» книга Лемберга, вопреки призывам автора к взаимопониманию, способна лишь дезориентировать немецких читателей.

В последующие годы в Западной Германии было опубликовано и в настоящее время продолжает публиковаться большое число работ, в которых рассматриваются проблемы истории России и СССР. Время от времени вновь и вновь раздаются самокритичные голоса, признающие, что «немцы в ФРГ находятся в опасности недооценить значение того, что произошло в России и в других

³ E. L e m b e r g. Osteuropa und die Sowjetunion. Geschichte und Problemen. Aufl. 2. Wiesbaden, 1956, S. 12 (во втором издании в заглавии не упоминалось о «железном занавесе»). Е. Лемберг считается в ФРГ одним из крупнейших специалистов по истории Восточной Европы. Ср. также: A. J u s t. Russland in Europa. Gedanken zum Ostproblem der Abendländischen Welt. Stuttgart, 1949, S. 19. А. Юст — многолетний корреспондент ряда германских газет в Москве.

⁴ E. L e m b e r g. Osteuropa und die Sowjetunion, SS. 12, 15. Лемберг считает, что со времени выхода в свет труда И. Гердера «Идеи к философии истории человечества» в германской историографии была брешь в изучении славянства. Лемберг не смущает, что подобной оценкой он перечеркивает весь «остфоршунг».

⁵ См.: Neue Politische Literatur, 1958, № 2, S. 166.

⁶ См.: Deutsche Aussenpolitik, 1957, № 11, SS. 1015—1018.

странах с 1917 года», — как сказано в изданном в 1961 г. методическом пособии Г. Биндера⁷ по новой и новейшей истории. В обширной методологической статье В. Кампман «Предыстория русской революции», опубликованной в официальном еженедельнике Боннского правительства «Из политики и современной истории», высказывается сожаление, что в немецкой школе истоки французской революции XVIII в. изучаются значительно глубже, чем предпосылки и причины революции в России.⁸ Автор призывает к тому, чтобы хорошо изучить русскую историю XIX в., которая имеет такое же значение для понимания последующей истории России, как Ренессанс для Италии, XVI в. для Испании, XVII и XVIII вв. для Франции.

Нельзя сказать, чтобы вопрос о предпосылках и действительных причинах победы Февральской и Великой Октябрьской революций игнорировался в буржуазной историографии,⁹ хотя «примеры» подобного игнорирования и нередки: чрезвычайно скупо говорится о социально-экономических предпосылках революции в России в книге по новой и новейшей истории (1789—1945 гг.) видного западногерманского историка Г. Херцфельда,¹⁰ в научно-популярной «Краткой истории России» И. Бирнбаума,¹¹ в широко распространенном школьном учебнике О. Мюллера¹² и даже в упомянутой «Современной истории» Г. Биндера, вопреки призыву автора глубже изучать «красную революцию». Разумеется, полностью игнорируются предпосылки революции в России и не освещаются причины ее победы в «научно-популярной» литературе типа многотомной «всемирной истории» О. Цирера¹³ и в некоторых публицистических статьях.¹⁴

Не претендуя на исчерпывающее освещение методологии буржуазной историографии революции в России, отметим прежде всего, что в той мере, в какой буржуазные авторы касаются вопроса об объективных предпосылках революции, подавляющее

⁷ G. Binder. Lebendige Zeitgeschichte. Handbuch und Methodik. München, 1961, S. 124.

⁸ W. Kampmann. Die Vorgeschichte der russischen Revolution. Eine Unterrichtsmodell. Aus Politik und Zeitgeschichte, 1963, Bd. 19, S. 14.

⁹ См. об этом также наши статьи, упомянутые выше.

¹⁰ H. Herzfeld. Die Moderne Welt. 1789—1945. T. 2. Braunschweig, 1952.

¹¹ J. Birnbaum. Kleine Geschichte der Sowjetunion. Frankfurt am Main, 1960.

¹² O. Müller. Deutsche Geschichte in Kurzfassung. Frankfurt am Main, 1955. История Германии рассматривается в этой книге (объемом в 275 стр.) в связи со всемирной историей, причем трем русским революциям уделено всего 24 строчки.

¹³ O. Zieger. 1917—1954. Das Bild unserer Zeit. München, 1957. Цирер — автор 44-томной (!) «всемирной истории» в нескольких сериях.

¹⁴ Так, например, в статье, посвященной 40-летию Октябрьской революции, в журнале «Neue Politik» (1957, № 44, стр. 11) некий К. Везер развязно пишет, что в России «только революция 1917 г. создала фабричный пролетариат, который, по рецепту К. Маркса, должен был быть освобожден».

большинство из них преувеличивает значение *особенностей* развития России. Если подобный подход характерен лишь при изучении *русской* революции, то постановка вопроса: нельзя ли было революцию предотвратить? характерна для буржуазной историографии при изучении *любой* революции.¹⁵ Действительно, без рассуждений относительно «упущенных возможностей» избежать революции, без смакования вопроса об «ошибках верхов», без «советов» (задним числом) о том, каким образом возможно было бы спасти рухнувший строй, не обошлось у буржуазных историков изучение ни одной революции, но все же применительно к революции в России такой прием (тенденция, подход) используется особенно усердно.

Отвергая домыслы о возможности предотвратить Великую французскую революцию, Ромен Роллан писал, что «истинное величие этой революции заключалось в том, что она была неизбежна».¹⁶ Тем более неизбежной была Великая Октябрьская социалистическая революция, которая привела к гораздо более глубоким общественно-экономическим и политическим переменам всемирно-исторического значения. Россия была подведена к ним всем ходом своего предыдущего развития. Данные, подтверждающие этот вывод, содержатся (как будет показано ниже) во многих работах немецких буржуазных историков, в том числе и в изданной в 1962 г. «Русской истории», написанной «остфоршером» «среднего» поколения, профессором Кельнского университета Гюнтером Штёклем, который, тем не менее, задается вопросом: «была ли гибель империи (в России, — В. Б.) результатом закономерностей внутреннего развития или же она оказалась расплатой за глупость и несостоятельность власть имущих? Был ли этот результат неизбежен или же возможности для оздоровления остались неиспользованными?».¹⁷

Допуская, что такое коренное революционное изменение в жизни общества и государства, которое произошло в России в 1917 г., могло произойти и помимо закономерностей внутреннего развития, без серьезных объективных предпосылок (?!),

¹⁵ Излагая воззрения историков Великой французской революции, один из виднейших русских буржуазно-либеральных историков, Н. И. Кареев, писал, что ответ на этот вопрос является основным при изучении истории революции (Н. И. Кареев. Историки французской революции, т. 1, Л., 1924).

¹⁶ Ромен Роллан. Неизбежность революции 1789 г. Историк-марксист, 1939, № 3, стр. 37—46.

¹⁷ G. Stöckl. Russische Geschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1962, S. 536. Штёкль родился в 1916 г. в Вене. Изучал историю и славянскую филологию в Австрии и Германии. Им написаны «Die deutschslavische Südostgerenze des Reiches im 16 Jahrhundert» (Breslau, 1940), «Die Entstehung des Kosakentums» (München, 1953). Он является членом редакции журнала «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas» (G. Stöckl. Russische Geschichte. . . S. 824).

Г. Штёкль сильно преувеличивает возможную роль случайностей в историческом процессе.

Между тем именно объективными условиями в значительной мере определялись и основные субъективные факторы, несомненно серьезно влиявшие на ход событий, такие как сознательность и организованность борющихся классов и партий, возможность проявления личных дарований (или, наоборот, бездарности) тех, кто возглавлял борющиеся лагеря; точнее, сама возможность появления людей с теми или иными личными качествами на руководящих государственных постах во многом определяется общественными условиями. По сути дела сам Штёкль признает, что «несостоятельность власть имущих» в Российской империи была производной от «закономерностей внутреннего развития», поскольку, как он отмечает, «в России при последних Романовых не было недостатка в способных государственных деятелях, но в условиях самодержавия они редко имели возможность проявить себя».¹⁸

В первые годы после Октября в буржуазной историографии и публицистике преобладало преувеличение экономической отсталости царской России. Тем самым стремились доказать, что путь, избранный Россией, не пригоден для стран Запада и что из попытки построить в России социалистическое общество ничего не выйдет.

В послевоенной немецкой буржуазной историографии нередко отмечается, что экономическую отсталость России не следует преувеличивать, ибо со второй половины, особенно с конца XIX в., в России началась ускоренная индустриализация по западноевропейскому образцу.¹⁹ Западногерманский экономист Тальгейм даже обвинил «большевистскую пропаганду» в *преувеличении* отсталости царской России.²⁰

Объективно эту вторую тенденцию в буржуазной историографии «питают», с одной стороны, отсутствие революционной ситуации в главных капиталистических странах, что делает не столь злободневным, как в первые годы после Октября, вопрос о революции на Западе «по русскому образцу», с другой стороны — успехи Советского Союза, которые сняли с «повестки дня истории» вопрос о возможности построения социализма в России. Теперь буржуазные ученые стоят перед иным социальным заказом: доказать, что уже с конца XIX в. Россия была на пути к тому,

¹⁸ Там же, стр. 561. Штёкль мог задать свой вопрос (была ли революция «результатом закономерностей внутреннего развития?») и риторически, как бы от лица своих читателей, что тем более обязывало его ответить на него, чего он, однако, не делает, хотя в его книге содержится много данных для этого.

¹⁹ Об этом еще в 20-х годах писал В. Зомбарт (см.: В. З о м б а р т. Современный капитализм, т. III. М.—Л., 1930, стр. 368).

²⁰ К. Т h a l h e i m. Gründzüge des sowjetischen Wirtschaftssystem. Köln, 1962, S. 22.

чтобы и без революции превратиться в высокоразвитую индустриальную державу. Тем самым пытаются умалить значение Великой Октябрьской социалистической революции и последующие успехи Советской власти.

Разумеется, мы не отождествляем «социальный заказ» с грубой сознательной фальсификацией или с сознательной подгонкой итогов исследования к заранее заданному результату, хотя подобную грань при анализе исторических трудов далеко не всегда возможно провести.

Первые работы по истории России и СССР, изданные в Западной Германии после войны и принадлежащие перу виднейших специалистов по русской истории на Западе Отто Хэтчу и Валентину Гигерману, до сих пор являются лучшим и наиболее объективным из всего того, что написано на немецком языке буржуазными авторами о революции в России.

Уже одна личность О. Хэтча — автора «Краткого очерка истории России (842—1946)»,²¹ как историка и политика делает его книгу заслуживающей внимания. О. Хэтч был одним из основателей в 1913 г. «Общества по изучению истории России», а в Веймарской республике возглавлял это общество,²² он был редактором ряда периодических изданий по истории России и Восточной Европы и вел курс русской истории в Берлинском университете.²³

В 1935 г. Хэтч был отстранен нацистами от научной и преподавательской работы, поскольку в отличие от большинства своих коллег и учеников, подвизающихся и в настоящее время в Западной Германии,²⁴ он не был враждебно настроен по отношению к России и русскому народу. Показательно в этом отношении, что в годы первой мировой войны, когда подавляющее большинство немецкой профессуры было охвачено аннексионистским угаром, Хэтч был против наглых притязаний германских империалистических кругов на восточные области России. Он при-

²¹ O. Hoetzsch. Grundzüge einer Geschichte Russlands. Stuttgart, 1949.

²² В 1918 г. оно было переименовано в «Общество по изучению истории Восточной Европы».

²³ Хэтчем написан ряд работ по истории России XVIII—XX вв. и по вопросам внешней политики. Под его редакцией переведено с русского 11 томов документов — «Международные отношения в эпоху империализма». Хэтч был редактором «Zeitschrift für osteuropäische Geschichte» (1910—1914, 1930—1935), «Osteuropäische Forschungen» (1912—1935), «Osteuropa» (1925—1935).

²⁴ Учениками О. Хэтча были такие ведущие «остфоршеры», как В. Маркерг, К. Менерт, П. Шайберг, Ф. Эшштейн (с 1937 г. живущий в США), Х. Яблоновский и др. (см.: Russland-Studien. Geddenkschrift für Otto Hoetzsch. Stuttgart, 1957, SS. 109—110).

надлежал к тем видным политикам и публицистам в Веймарской республике, которые понимали, что национальные интересы Германии требуют дружественных отношений с Советским Союзом.²⁵ На посту председателя «Общества по изучению Восточной Европы» Хэтч много сделал для развития культурных связей между Германией и СССР.²⁶

Отдавая дань тенденции преувеличивать значение особенностей исторического развития России, Хэтч писал, что ему «часто кажется, что внутреннее понимание русской истории превосходит духовные силы европейцев старого стиля»²⁷ и что «история русского народа, начиная с Киевской Руси, ставила историков перед многими проблемами и загадками».²⁸ Но разве история любой страны, а не только России, не ставит историка перед «многими проблемами и загадками?»

Однако уточняя свою позицию по проблеме «Россия и Запад», Хэтч в полном противоречии с теми «остфоршерами», которые считают себя его учениками, с удовлетворением подчеркивает, что к числу неизменных на протяжении 47 лет его научной деятельности теоретических и методических положений принадлежит и тезис о том, что «Россия и СССР в своей основе европейское государственное сообщество» (стр. 7). Еще энергичнее высказался Юст, заявивший, что «только тот истинный европеец, кто не воз-

²⁵ Хэтч был депутатом рейхстага от немецкой национальной партии, представителем Германии в Лиге наций и внешнеполитическим обозревателем правой газеты «*Keuzzeitung*». Сходясь с председателем партии А. Гугенбергом по вопросу об отношениях с СССР и возражая против поддержки национал-социализма, Хэтч вышел в 1929 г. из немецкой национальной партии и вскоре отошел от политической деятельности.

²⁶ В частности, в 1928 г. «Обществом по изучению Восточной Европы» в Германии была проведена «неделя русской истории», в течение которой ряд советских историков — М. Н. Покровский, В. В. Адоратский, С. М. Дубровский и др., выступали с докладами. Доклады эти были изданы в 1929 г. Пришедшие вскоре после 1933 г. к руководству «остфоршунгом» фашисты обвинили Хэтча в том, что изучение Советского Союза было поставлено им на службу Рашальской политике. Некий погромщик от науки («доктор» Г. Грейфе, изложивший в пасквильной книжонке (H. Greife, «*Sowjetforschung*», Berlin, 1936) фашистские основы изучения СССР и его истории, заявлял, будто бы «кто не был другом СССР, либералом, масоном или евреем, — тот не мог в Германии заниматься изучением СССР» (там же, стр. 43—45). В действительности среди этих «либералов» оказалось немало усиленно сотрудничавших с нацистами, например Е. Ханши, Г. Аубин, П. Серафим, Г. Кох, Г. Раух (E. Hanisch, H. Aubin, P. H. Seraphim, H. Koch, G. Rauch) и др. Однако несомненно, что «остфоршунг» на отдельных этапах истории Германии имел как общие, так и различные черты. Вопрос об общих чертах частично освещен в статье М. Р. Тульчинского «Возрождаемое прошлое (о преемственности нацистской и боннской историографии Советского Союза)» (История СССР, 1964, № 3, стр. 190—209).

²⁷ O. Hoetzsch. Grundzüge einer Geschichte Russlands, S. 194 (далее на стр. 213—218 текста страницы этой работы указываются в скобках).

²⁸ S. F. Platono v. Geschichte Russlands von Beginn bis zur Jetztzeit. Schlusskapitel von O. Hoetzsch. Leipzig, 1927, S. 437.

двигает искусственного занавеса между Западом и Востоком, — занавеса, которого никогда не было».²⁹

Разумеется, Советский Союз по своему географическому положению, этническому составу населения, по своим историческим, внешнеполитическим, экономическим и культурным связям является государством и европейским, и азиатским. Но враги России и Советского Союза с помощью «тенденциозного и пропагандистского», по словам Хэтча, ярлыка «азиатское» применительно к русскому государству и народу — ярлыка, который Хэтч призывает искоренить (стр. 10), стремились внушить немцам мысль об отсталости России и о правомерности «оттеснения» России на Восток. Хэтч четко формулирует соответствующую бесспорным историческим фактам точку зрения, что общественно-политическое развитие России совершалось в таком же направлении, как и развитие стран Запада. «Как мыльный пузырь развеялось мнение, — пишет он, — что Россия с ее мужиком и общинной собственностью перепрыгнет капиталистическую стадию развития. Капитализм шел в России тем же путем и приводил к тем же безжалостным результатам, что и в Западной Европе» (стр. 147).³⁰ «Россия, — продолжает Хэтч, — отставала от Запада на одно поколение, но принципиально была на том же пути», причем «развитие производительных сил и производственных отношений на протяжении жизни последнего поколения перед первой мировой войной оказало огромное влияние на все социальное здание и на положение внутри государства». «Эра Витте» рассматривается Хэтчем как период усиленной индустриализации России, а сам С. Ю. Витте характеризуется им как наиболее способный из царских министров (стр. 150—152);³¹ вместе с тем Хэтч отмечает, что расчеты С. Ю. Витте с помощью прибылей создаваемой им индустрии проводили большую оздоровительную аграрную программу «представляли собой, пожалуй, азартную игру и иллюзию» (стр. 151).

Хэтч, как и некоторые другие «остфоршеры», понимает, что ускоренное промышленное развитие России в условиях сохранения пережитков крепостничества и реакционнейшего царского самодержавия вело лишь к резкому усилению классовых противоречий. Характеризуя расстановку классовых сил в стране в начале XX в., он констатирует оскудение и ослабление фундамента абсолютизма — дворянства, не сумевшего, в частности, использовать для развития помещичьего хозяйства выкупные платежи после «освобождения» крестьян (стр. 153).³² «Буржуазия в Рос-

²⁹ А. Just. *Russland in Europa*, S. 87.

³⁰ При этом Хэтч ссылается на работы В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» (опубликованную в т. 3 Избр. соч. Ленина, изданных в Вене в 1930 г.) и «Империализм как высшая стадия капитализма» (Гамбург, 1921).

³¹ Перевод мемуаров С. Ю. Витте был издан в Германии в 1923 г. с предисловием Хэтча.

³² В качестве иллюстрации Хэтч ссылается на пьесу А. П. Островского «Бешеные деньги».

сии, — продолжает Хэтч, — не превратилась в третье сословие, как во Франции в конце XVIII века и в Германии в середине XIX века, — русская буржуазия обладала классовым эгоизмом, но не имела настоящего (eigentlichen) классового сознания и классовой воли» (стр. 153). Характеристика эта нуждается в коррективах: в частности, Хэтч и остальные буржуазные авторы не учитывают тех изменений в развитии русской буржуазии как класса, которые происходили в XX в., особенно во время первой мировой войны.

Русская буржуазия, хотя и сознавая в лице своих «талантов» из кадетской партии свои особые классовые интересы, ни в коем случае не была республиканской, ибо она нуждалась в царизме и в его аппарате насилия для борьбы против рабочего класса. Известный вывод К. Каутского (сделанный в период, когда он еще не изменил марксизму) о том, что «чем дальше на восток, тем трусливее буржуазия», вполне подтвердился событиями русской истории XIX—XX вв.

И все же эту особенность русской буржуазии по сравнению с немецкой и даже французской не следует преувеличивать: ведь сложившаяся в недрах феодализма французская крупная буржуазия была преимущественно монархической во время Великой революции конца XVIII в., так же как монархической была и французская крупная буржуазия в XIX в. (вплоть до третьей его четверти). Хотя в 1848 г. буржуазия возглавила народные революции во Франции и в Германии, но ведь она же их и предала.

Значительно более политически активной и революционной, чем в России, была мелкая (и отчасти средняя) буржуазия во Франции и в Германии, но мелкой буржуазии лишь на короткое время удалось удержать власть во Франции в 1793—1794 гг. Вряд ли оправданно, как делает Хэтч, объединять общей характеристикой третье сословие во Франции в XVIII в. и в Германии в XIX в., противопоставляя их третьему сословию в России в XIX и XX вв. Нет нужды доказывать, что между Франкфуртским парламентом 1848 г. и русской Думой всех четырех созывов гораздо больше общего, чем между Франкфуртским парламентом и Учредительным собранием во Франции в XVIII в., не говоря уже о Конвенте.

Еще в меньшей мере можно говорить о каких-либо существенных различиях между русской и немецкой буржуазией в эпоху империализма в их позиции по отношению к монархии в своих странах. Даже тот трусливый «либерализм», который оставался еще у немецкой буржуазии в 50—80-х годах XIX в., был «сведен империализмом, по удачному выражению А. К. Дживелегова.

Характеризуя русское крестьянство, Хэтч говорит о его тяжелом положении и о том, что «крестьянство было инстинктивно подготовлено к революции, но далеко от сознания своих классовых интересов и не организовано» (стр. 153). Точнее, у крестьян-

ства не было ясного понимания, какими путями и средствами может оно добиться осуществления своих чаяний: получить землю и освободиться от выкупных платежей. «Прошло много времени, — продолжает Хэтч, — прежде чем энергии Ленина удалось установить связи между индустриальным пролетариатом и крестьянством» (там же).

Хэтч констатирует рост численности индустриального городского пролетариата в России и рост с последней четверти XIX в. массового стачечного движения в результате чрезвычайно тяжелых условий труда и совершенно неудовлетворительной социальной политики правительства. «Марксизм целеустремленно работал над организацией и воспитанием воли масс к революции» (стр. 147), для которой, как видно из книги Хэтча, были достаточные объективные условия.

Характеризуя политические партии того времени, Хэтч наибольшее внимание уделяет партии большевиков, сообщая вкратце читателю правильные сведения о ее программе и тактике (стр. 158—163).

Обстановку в России перед войной Хэтч резюмирует следующими словами: «Политическая реакция, возглавляемая ничтожным царем, монархическая конституция без народа и против народа, лихорадочное позднекапиталистическое развитие, глубокие социальные противоречия, милитаризм, национализм, империализм, духовное осуждение буржуазного общества. . . трудно сказать, в какой степени государство могло бы справиться с внутренними трудностями — война уничтожила все возможности» (стр. 173).

Говоря о первой мировой войне, Хэтч впадает в глубокие противоречия: признавая империалистический характер войны (стр. 170), он в то же время утверждает, будто бы для Германии эта война «была оборонительной» (стр. 171),³³ хотя сам же он далее с осуждением пишет о том, что «Германия хотела ограничить Россию Восточной Европой и отрезать ее от всех морей. Непостижимо, — продолжает Хэтч, — каким образом эта иллюзия вообще могла иметь место и, более того, несмотря на тотальную неудачу, вновь проявиться во второй мировой войне» (стр. 175). Слова Хэтча звучат актуально и по сей день, ибо то, о чем он пишет как о «непостижимой ошибке», вытекало и вытекает из самой природы хищного и наглого германского империализма.

³³ Таким образом, по вопросу об ответственности за войну (Kriegschuldfrage) позиция Хэтча не отличается от «генеральной линии» германской историографии в период между двумя мировыми войнами. «Линия» эта продолжается и современными историками в ФРГ (см.: F. Klein. Die westdeutsche Geschichtsschreibung über die Ziele des deutschen Imperialismus im ersten Weltkrieg. Zeitschr. Geschichtswiss., 1962, H. 8, S. 1808—1836; К. Б. В и н о г р а д о в. Буржуазная историография первой мировой войны. М., 1962).

Характеризуя отношение русского народа к войне, Хэтч признает его миролюбие, «отсутствие чувства вражды к другим народам» (стр. 173), что и вылилось затем в возмущение против эксплуататорских классов, в интересах которых велась война.

Февральскую революцию Хэтч рассматривает как итог всего предшествующего недовольства и кризиса, которые обострились в связи с войной.

Программу Временного правительства Хэтч расценивает как «совершенно неудовлетворительную. Буржуазные доктринеры думали использовать революцию для продолжения войны» (стр. 177). «Ленин терпеливо ждал, — пишет Хэтч (стр. 178), — пока другие не „отхозяйничались“ (abgewirtschaftet waren), т. е. не разоблачили себя в глазах масс. Точнее: Ленин был против преждевременного выступления, но Ленин и руководимая им партия большевиков проводили огромную агитационно-пропагандистскую и организаторскую работу в массах, без чего стихийный рост недовольствия и активности масс не мог бы увенчаться победой в Октябре 1917 г.

Восходящую линию развития революции Хэтч резюмирует следующими словами: «. . . бессмысленное наступление на фронте, распад армии, крестьянское движение, демонстрации и уличные бои вели революцию, по закону всех революций, все дальше и дальше. В Петрограде и в Москве большевики завоевали большинство в Советах» (стр. 178).

Позиция Хэтча резко отличается от позиции современных реакционных «остфоршеров» Г. Рауха, О. Анвайлера, Г. Штёкля и др., которые в противоречии даже с данными, содержащимися в их работах, утверждают, будто бы Октябрьское вооруженное восстание происходило в обстановке пассивности (?) народа и означало поэтому якобы лишь «большевистский переворот».³⁴ Хэтч отмечает, что восстание увенчало рост активности народных масс и вело к установлению диктатуры пролетариата, предупредив контрреволюционные намерения Керенского; последнее обстоятельство замалчивается в западногерманской историографии.

Если в 1927 г. Хэтч сравнивал тогдашний период истории Советской России со «смутным временем» начала XVII в., то после разгрома Советским Союзом гитлеровской Германии он лучше понял значение того, что произошло в России, признав, что «в современной России утвердился новый тип пролетарского социалистического государства и культуры». Россия, — пишет Хэтч, пользуясь формулировкой Ранке, — выросла в «историко-политическую

³⁴ См.: G. R a u c h. Geschichte des bolschewistischen Russland. Wiesbaden, 1955, SS. 91, 115; O. A n w e i l e r. Die Rätebewegung in Russland. 1905—1921. Leiden, 1958, SS. 241—245; G. S t ö k l. Russische Geschichte. . . , S. 650.

индивидуальность, революционное влияние которой в настоящее время никто даже не может себе представить» (стр. 195).

Хэтч выражает надежду дать в своей книге «немцам читателям более правильную картину русской истории, чем та, которой они до сих пор располагали» (стр. 195). Из сказанного видно, что в части освещения проблем революции в России Хэтч, несмотря на отдельные ошибки и схематизм изложения, свое намерение в основном осуществил успешно, написав вполне объективную работу, которая именно поэтому и замалчивается нынешними «остфоршерами» в Западной Германии.

Наиболее обстоятельной из изданных на немецком языке в послевоенные годы работ по русской истории является трехтомная «История России» швейцарского реформистского историка В. Гитермана,³⁵ которым написан и обширный раздел «Русская революция (1917—1939 гг.)» в IX т. «Пропилеев всемирной истории».³⁶ В предисловии редактора этого тома Голо Манна высказано сожаление в связи с тем, что В. Гитерман «проявляет к уму и делу Ленина, пожалуй, совсем не ту антипатию, которой редактор, говоря откровенно, охотно бы поддался и которую Гитерман питает в отношении личности и способа правления Сталина».³⁷ Нам думается, однако, что Гитерман, автор изданной в 1938 г. работы «Историческая трагедия социалистической идеи», в которой он с реформистских позиций пытался опровергнуть марксизм, неповинен и в «симпатии к делу Ленина».

Излагая свое методологическое кредо, Гитерман, вопреки широко распространенному на Западе негативному отношению к вопросу о полезности истории, утверждает, что из изучения истории можно извлечь уроки для настоящего и будущего.³⁸ Высказываясь за объективную историю против конъюнктурщины, он оговаривается, что в отборе материала и в его интерпретации историк во многом зависит от эпохи, социальных условий, своей национальности, уровня культуры, в результате чего каждое поколение переписывает историю по-своему (т. I, стр. 9—10).

³⁵ V. G i t e r m a n n. Geschichte Russlands. Bd. I—III. Zürich, 1944—1949 (далее на стр. 367—379 текста страницы этой работы указываются в скобках). В. Гитерман родился в России в 1900 г. Учился за границей и натурализовался в Швейцарии, где с 1924 г. начал вести преподавательскую работу. С 1943 г. Гитерман — член Швейцарского национального совета. В 1943—1952 гг. редактировал в Цюрихе социалистический (реформистский) ежемесячник «Rote Revue».

³⁶ Eine Universalgeschichte, Bd. IX. Frankfurt am Main, 1960, SS. 131—230.

³⁷ Там же, стр. 17.

³⁸ При этом Гитерман ссылается на Ф. Шиллера и И. Тэна.

Характеризуя поворот в буржуазной историографии истории России, происшедший после Октябрьской революции, Гитерман пишет, что с 1890 по 1917 г. и марксистские, и буржуазные историки исходили из того, что развитие России повторяет развитие Запада. Таким образом, «новые» тенденции в послевоенной буржуазной историографии (о чем мы писали выше) представляют собой возврат на позиции, господствовавшие в ней до 1917 г.

Ссылаясь на работы Н. П. Павлова-Сильванского, М. В. Довнар-Запольского, П. Н. Милукова, Г. В. Плеханова, Н. А. Рожкова, М. Н. Покровского, Т. Масарика, О. Хэтча, Гитерман пишет, что в историографии по проблеме «Россия и Европа» господствовала теория «тождества в основном» (*Wesengleichheit*), а у более осторожных историков — теория «сходства в основном» (*Wesenähnlichkeit*). Полагали, что Россия пойдет по пути высоко развитого капитализма и демократии, а рабочее движение будет копировать рабочее движение главных стран Запада (т. I, стр. 12—13).

«Октябрьская революция, — пишет Гитерман, — опрокинула эту схему и европейская (буржуазная, — В. В.) историография растерялась».³⁹ Растерялся и сам Гитерман. «Мы должны освободиться от представления, — призывает он, — будто бы развитие России со времен Петра I было „европейским“». «Не на общности, а на различиях социальной истории России и Запада» надо сосредоточить, по его мнению, внимание историков с тем, чтобы «понять силы, которые на всем протяжении русской истории тормозили возникновение, рост и преуспеяние буржуазии» (т. I, стр. 15).

Сказанное Гитерманом, однако, вовсе не означает, что в подчеркивании отсталости царской России он стоит на охарактеризованных нами выше позициях буржуазной историографии периода первых лет после Октября. Еще в 1938 г. он писал о том, что, несмотря на скромные размеры русской промышленности по отношению к численности населения и размерам страны, она переросла внутренний рынок.⁴⁰ В «Истории России» Гитерман, используя труд В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» и работы многих русских и советских историков и экономистов — М. Тугай-Барановского, П. Оля, Н. Огановского, Н. Рожкова, П. Лященко и мн. др., уделяет значительное внимание экономическим проблемам. «После 1861 г., — пишет он, — Россия вступила в период лихорадочного грядущества и быстро превратилась в „теплицу (*Treibhaus*) капитализма“» (т. III, стр. 193), — так и называется восьмая (заключительная) часть его труда, охватывающая события с 1861 по 1917 г.

³⁹ См. сн. 2.

⁴⁰ V. G i t e r m a n n. Die historische Tragik der sozialischen Idee, Zürich—N. Y., 1939, S. 186.

Гитерман приводит подробные данные о развитии промышленности в России, причем тот факт, что в конце XIX в. число рабочих росло быстрее количества предприятий, а рост стоимости продукции обгонял увеличение числа рабочих, он комментирует как проявление типичных черт высокоразвитого капитализма. Найдёт читатель в работе Гитермана и данные о том, что русская тяжелая промышленность развивалась быстрее легкой, что темпы роста некоторых ведущих отраслей промышленности в России в 90-е годы превосходили соответствующие данные для США, Германии и Англии и что концентрация русской промышленности значительно превосходила концентрацию германской промышленности (т. III, стр. 331—336).

Утверждая, что крупные предприятия в России в отличие от того, что было на Западе, возникали не в результате многолетней конкуренции и естественного отбора, а были основаны «внезапно» среди сравнительно примитивного народного хозяйства (т. III, стр. 335), Гитерман в то же время полагает, что после 1861 г. экономическая ситуация для крупной буржуазии в России была крайне неблагоприятной (т. III, стр. 209). В подтверждение этого преувеличенного вывода Гитерман совершенно не к месту цитирует слова В. И. Ленина из написанной им в 1897 г. брошюры «Задачи русских социал-демократов» о «неизбежности краха (более или менее крутого), который должен последовать за этим „процветанием“ промышленности».⁴¹ Между тем В. И. Ленин в данном случае говорит лишь об обычном очередном циклическом кризисе капиталистического хозяйства.

Штёкль, оперирующий теми же данными, что и Гитерман, полагает, что «несмотря на повторяющиеся кризисы и депрессии (особенно в 1899—1903 гг.) об экономическом крахе (Verfall) русского государства не могло быть и речи. Но чрезвычайно велик был разрыв между задачами, стоявшими перед страной, и политическими принципами».⁴² Точнее, основным препятствием для развития капитализма в России были пережитки крепостничества и абсолютистский государственный строй с его произволом, косностью и бюрократизмом.

Гитерман правильно отмечает некоторые из причин, тормозившие развитие капитализма в России: узость внутреннего рынка, недостаток собственных капиталов, нерациональное использование иностранных займов и вообще отсутствие планомерной координации инвестиций (т. III, стр. 335).

Но последнее опять-таки общая черта капиталистического хозяйства, так же как не были особенностью развития только России и остальные упомянутые причины. Вместе с тем в каждой стране были свои природные, социально-экономические и поли-

⁴¹ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 466.

⁴² G. St o k l. Russische Geschichte. . . , S. 566.

тические условия, благоприятствовавшие или, наоборот, тормозившие развитие производительных сил, а следовательно, и развитие буржуазии и пролетариата.

Характеризуя период с 1861 по 1917 г. в истории России термином «теплица капитализма», Гитерман хотел подчеркнуть, что развитие капитализма в России было не столько делом и «заслугой» буржуазии как класса, сколько результатом меркантилистской политики царского правительства, которое (так получается у Гитермана), с одной стороны, пасаждало капитализм, с другой — душило буржуазию. Между тем чтобы доказать, что меркантилизм играл в России большую роль, чем на Западе, следует сопоставить эту политику в различных странах на различных этапах (здесь уместно вспомнить хотя бы Кольбера и «Великого» курфюрста), чего Гитерман не делает.

Обосновывая тезис о слабости и политической ограниченности русской буржуазии в начале XX в., Гитерман пишет, что даже для того, чтобы создать предпринимательские организации и отстаивать свои интересы перед правительством и общественным мнением, буржуазии требовалось «понуkanie сверху», со стороны ярого поборника индустриализации России С. Ю. Витте. Однако ни цитируемое Гитерманом соответствующее обращение С. Ю. Витте к представителям биржевых комитетов от 20 ноября 1903 г., ни другие имеющиеся в изобилии документы, характеризующие политическую ограниченность и холуйство широких кругов русской буржуазии перед царизмом и полицейской властью, все еще недостаточны для выяснения вопроса о взаимоотношениях между русской буржуазией и государством.

Цитируя упомянутое обращение С. Ю. Витте по книге П. А. Берлина,⁴³ Гитерман обходит молчанием приведенные в той же книге данные, позволившие П. А. Берлину сделать вывод, что русская буржуазия умела не только приспособливаться, но и приспособлять: «Она сумела найти пути и средства, не вырабатывая соответствующих политических европейских форм, оказывать сильное непрерывное давление на правительственную политику в ту сторону и в тех пунктах, как ей это было нужно. При этих условиях сложились чрезвычайно поучительные формы политического воздействия буржуазии на правительственную власть».⁴⁴ Игнорируя эту сторону вопроса, Гитерман преувеличивает значение слабости русской буржуазии.

Рассматривая последствия падения крепостного права, Гитерман на большом и хорошо подобранном фактическом материале показывает, что «положение крестьян после 1861 г. было отчаянное», но что одновременно, несмотря на проведение «крестьян-

⁴³ П. А. Берлин. Русская буржуазия в старое и новое время. М., 1922, стр. 135.

⁴⁴ Там же, стр. 151.

ской реформы» в интересах помещиков, «их экономический упадок был очевиден и положение класса дворян к началу XX в. стало безнадежным» (т. III, стр. 209—211). Последнему обстоятельству как одной из важнейших причин исторической обусловленности падения самодержавия не уделяется должного внимания в трудах западногерманских «остфоршеров».

То, что «крестьянская реформа» 1861 г. и вся последующая аграрная политика царизма обостряли классовые противоречия, создавая условия для союза крестьянства и рабочего класса против царизма, признают с большей или меньшей отчетливостью многие «остфоршеры»,⁴⁵ однако Гитерман обосновывает этот вывод более обстоятельно и четко формулирует, что в результате столыпинской аграрной реформы «повышалась способность сельского пролетариата к союзу с городским пролетариатом в духе ленинской революционной стратегии» (т. III, стр. 438—439).

В то время как в поле зрения подавляющего большинства «остфоршеров», когда они касаются революционной борьбы в России, находятся в основном лишь политические партии, группы и отдельные лица, Гитерман более подробно говорит о массовом рабочем движении в XX в. Рассматривая период непосредственного назревания второй русской революции, он приводит данные, свидетельствующие о том, что рабочее движение накануне войны, а затем и во время войны приобретало все более и более политический характер, вплоть до выдвижения лозунга демократической республики (т. III, стр. 448, 475).

Он отмечает также, что несмотря на репрессии, обрушившиеся на партию большевиков, руководство революционной борьбой рабочих и во время войны, и в ходе Февральской революции находилось в руках большевиков, а не меньшевиков, «в программу которых не входило возглавлять революционное рабочее движение, так как они считали, что на очереди находится буржуазная революция» (т. III, стр. 478).

Все это объясняет тот факт (хотя Гитерман не формулирует этого вывода), что начавшиеся в начале марта 1917 г. стихийные выступления рабочих против дороговизны и голода быстро переросли в революцию, свергнувшую прогнивший царский режим, а то, что этот режим прогнул, не берутся отрицать и самые реакционные буржуазные историки.

Общепризнано в основных работах буржуазных историков и то, что, как пишет Гитерман, «царизм был свергнут не помещи-

⁴⁵ E. Hanisch. Geschichte Russlands, Bd. II. Freiburg, 1941; E. Gruner und E. Sieber. Weltgeschichte des 20. Jahrhunderts. Leipzig—Stuttgart, 1958; H. Rimscha. Geschichte Russlands. Wiesbaden, 1960. О позиции перечисленных историков по данному вопросу см. в нашей работе «К вопросу об освещении предпосылок и причин победы Октябрьской революции в буржуазной историографии» (в кн: Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1964, стр. 438, 443—444).

ками и капиталистами, а рабочими и солдатами» (т. III, стр. 487). Причинами, в силу которых во главе Временного правительства оказались «кадетско-октябрьские представители крупных помещиков и капиталистов», Гитерман считает то, что массы «не успели еще превратить свое боевое воодушевление в бдительность по отношению к классовому врагу» (т. III, стр. 487—488, 490). Объясняя, почему в Советах в большинстве оказались вначале эсеры и меньшевики, стоявшие за соглашение с буржуазией, Гитерман указывает как на основную причину на изменение состава рабочего класса, среди которого значительно выросла мелкобуржуазная прослойка (т. III, стр. 492).

По мнению Гитермана, высказанному им еще в довоенные годы, «отречение царизма означало, в сущности, и отречение русской буржуазии. Но вначале русский народ не сознавал этого. Власть оказалась в руках русской буржуазии подобно мечу великана в руках лилипута».⁴⁶ Подтверждением этого вывода служит, по его мнению, и то, что военный потенциал России не возрос после Февральской революции, а экономический кризис углубился.⁴⁷ «Правительство, которое приходит к власти в итоге революции, — пишет он, — может закрепить за собой власть в том случае, если оно обладает волей и способностью для решения тех проблем, которые свергнутый режим не хотел или не мог решать. Но Временное правительство не было в состоянии действовать в этом смысле» (т. III, стр. 493).

Тезис о полной несостоятельности Временного правительства давно уже общепризнан в буржуазной историографии.⁴⁸ Однако хотя многие авторы и указывают на то, что политика Временного правительства выражала интересы помещиков и капиталистов, все же его антинародные действия, способствовавшие его

⁴⁶ V. G i t e r m a n n. Die Historische Tragik. . . , S. 199.

⁴⁷ Там же, стр. 200.

⁴⁸ Так, например, А. Хеденштрем писал еще в 1922 г., что «единственной партией, которая целиком и полностью поддерживала настоящие требования крестьян, была партия Ленина» (А. H e d e n s t r ö m. Geschichte Russlands von 1878 bis 1918. Stuttgart und Berlin, 1922, S. 326). В 1922 г. П. Ольберг (по-видимому, социал-демократ) подробно прослеживал саботаж Временным правительством решения аграрного вопроса (P. O l b e r g. Die Bauernrevolution in Russland. Die alte und die neue Politik Sowjet—Russlands. Leipzig, 1922, SS. 30—35). Даже в работах, вышедших в Германии во время фашизма и во время войны, признавалась несостоятельность царизма и Временного правительства (см., например: А. H ö h l f e l d. Versailles und die russische Frage. 1918—1919. Hamburg, 1940, S. 76; К. В а u m b ö c k. Deutschlands Sieg in Osten. Berlin, 1942, SS. 9—10; R. M o e l l e r. Von Rurik bis Stalin. Leipzig, 1943, SS. 308—313). Поэтому совершенно неоснователен призыв рецензента книги «Зарубежная литература об Октябрьской революции» (М., 1961) В. С. Рыкалова «наконец включить в сферу нашего рассмотрения буржуазную литературу, посвященную апологии (?), — В. В.) Временного правительства» (История СССР, 1963, № 3, стр. 174).

падению, выглядят во многих работах буржуазных авторов как ошибки, которых могло бы и не быть.⁴⁹

Гитерман более глубоко освещает эту проблему. Так, объясняя причины, в силу которых аграрной реформе сопротивлялись не только помещики, но и представители финансового капитала, Гитерман указывает на то, «что помещики должны были банкам более 3 3/4 миллиарда рублей. Таким образом, аграрный вопрос оставался для Временного правительства табу» (т. III, стр. 495). Разъясняет Гитерман своим читателям и причины, в силу которых Временное правительство упорно цеплялось за политику продолжения войны. «Интересы, толкнувшие Россию к участию в войне, — пишет он, — продолжали действовать и после свержения самодержавия. Буржуазия и помещики боялись, что сепаратный мир, который означал бы, что Россия признает свое поражение, был бы одновременно сигналом к глубокому социальному перевороту, но именно этого-то правящие классы хотели избежать любой ценой; буржуазия и помещики не хотели порывать с Антантой также и потому, что не представляли себе дальнейшего развития России без иностранных капиталов, и, наконец, в 1917 г. победа Антанты над центральными державами казалась близка. Имело ли смысл в такой момент поворачиваться к бывшим союзникам спиной?» (т. III, стр. 493, 494).

Описывая в «Истории России» довольно подробно перипетии политической борьбы в период от февраля до октября и стараясь выяснить таким образом объективные политические предпосылки Октябрьской революции, Гитерман показывает неуклонное падение влияния в массах Временного правительства, меньшевиков и эсеров⁵⁰ и, соответственно, неуклонный рост влияния партии большевиков, заканчивая выводом: «Враги революции мечтали о диктатуре Корнилова, теперь они получили диктатуру пролетариата» (стр. 535). Следует отметить, что в написанной им главе во «Всемирной истории» эта четкая формулировка отсутствует.

В оценке итогов тех изменений, которые произошли в расстановке сил на политической арене после разгрома заговора Корнилова, Гитерман заходит настолько далеко, что пишет, будто бы уже «6 сентября 1917 г. власть *de facto* находилась в руках рабочего класса и его большевистского руководства» (т. III, стр. 522). Вывод этот, однако, преувеличен и представляет собой преуменьшение значения Октябрьского вооруженного восстания. Несмотря на ускоренное изменение соотношения сил в пользу рабочего

⁴⁹ См.: R. Moeller. Von Rurik bis Stalin, S. 312; G. Rauch. Geschichte des bolschewistischen Russland, S. 51; K. Ruffmann. Russland. In: Weltgeschichte der Gegenwart in zwei Bänden. Bd. I. Die Staaten. Bern und München 1963, S. 322.

⁵⁰ «Правительство Керенского, — пишет он, — плыло на льдине, которая таяла с каждым днем» (V. Gitermann. Geschichte Russlands, Bd. III, S. 527; см. также: Eine Universalgeschichte, Bd. IX, S. 161).

класса после разгрома корниловщины, вопрос о власти в столице был решен лишь в Октябрьские дни, и только в течение первых месяцев после победы Октября власть рабочего класса утвердилась фактически в масштабе всей страны.⁵¹ Для того, чтобы се отстоять от белогвардейцев и интервентов, понадобилось еще три года.

Свою концепцию о слабости русской буржуазии и приводимые им данные о классовой обусловленности политики Временного правительства и о том, что только политическая линия большевиков соответствовала интересам народа, Гитерман доводит до логического конца, заключая, что «Временное правительство с самого начала было обречено на банкротство и, когда это выяснилось, господство большевиков оказалось единственной альтернативой». В отличие от Рауха, сожалееющего, что «судьба отказала России в Кромвеле»,⁵² Гитерман, характеризуя Керенского как пустого и тщеславного человека и плохого политика, добавляет, что «конечный результат ничуть бы не изменился, если бы Керенский был государственным деятелем и сильной личностью». «Нежизнеспособность буржуазной демократии в России, обнаружившаяся вскоре после ее рождения, — подчеркивает Гитерман, — не может быть объяснена тактическими „ошибками“ Милукова, Керенского или других политиков. Захват власти большевиками при данных обстоятельствах, — повторяет он, — был в гораздо большей степени итогом неотвратимой неизбежности» (т. III, стр. 487, 489).⁵³

В России в 1917 г. в лагере контрреволюции не было недостатка в решительных людях, которые, будь это в их воле и в их силах, решительно расправились бы со своими противниками слева, с народом. Но то, что они не оказались у власти, отнюдь не было случайностью. В решающей мере это определялось соотношением классовых сил, которое исключило возможность «кавеньяковщины» в начале революции и обусловило ее поражение впоследствии.

На такой же позиции, как и Гитерман, относительно предпосылок и неизбежности победы революции в России стоит и другой реформистский автор — В. Стрзелевич, работа которого посвящена в основном попытке выяснить (а точнее, запутать) вопрос

⁵¹ См.: Установление советской власти на местах, 1917—1918 гг., Сб. статей, вып. 2, М., 1959.

⁵² G. Rauch. Geschichte des bolschewistischen Russland, S. 99.

⁵³ См. то же самое в «Eine Universalgeschichte», Bd. IX, S. 139. К такому выводу приходит и антикоммунист Ганс Римша (H. Rimsha. Geschichte Russlands, S. 512). Римша (род. 1899 г.) — автор ряда работ по истории России и СССР, в частности, истории Прибалтики, по национальному вопросу и о русской эмиграции.

о влиянии Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР на последующее развитие социализма.⁵⁴

Подобно Гитерману, Стрзелевич считает необходимым для объяснения причин победы Октябрьской революции сосредоточить внимание на различных исторического развития России и стран Запада, особенно его занимают различия в развитии российской и западноевропейской социал-демократии.

Повторяя при этом доминирующий в буржуазной историографии тезис о том, что влияние интеллигенции в революционном движении России было значительно большим, чем на Западе, он цитирует сказанное в работе В. И. Ленина «Что делать?» по вопросу о внесении социалистического сознания в рабочее движение и заключает, что именно здесь коренится отличие большевизма от западноевропейской социал-демократии. Но Стрзелевич «забывает», что по данному вопросу в работе «Что делать?» В. И. Ленин соглашался с тем, что писал об этом К. Каутский в 1901 г., критикуя проект программы австрийской социал-демократической партии.⁵⁵

Общезвестно, что научный коммунизм был разработан и «внесен» в западноевропейское рабочее движение К. Марксом и Ф. Энгельсом, которые были буржуазными интеллигентами. «Самим ходом развития обусловлено то неизбежное явление, — писал К. Маркс и Ф. Энгельс в 1879 г. в знаменитом «Циркулярном письме», в котором разъяснялся, в частности, вопрос о положении интеллигенции внутри социал-демократической партии, — что к борющемуся пролетариату присоединяются отдельные лица из господствующего до сих пор класса и доставляют ему элементы просвещения. Об этом мы ясно высказывались уже в „Манифесте“.»⁵⁶

Несомненно, что вопрос о роли интеллигенции в рабочем движении различных стран важен и интересен (возможно, что роль интеллигенции в России на некоторых этапах была большей, чем во Франции и в Германии, а в этих странах — большей, чем в Англии и США), он ждет еще добросовестного исследователя, однако ясно, что никакой коренной принципиальной разницы между рабочим движением России и Запада в части внесения социалистического сознания извне нет.

Наряду с внесением интеллигенцией в пролетарское движение социалистического сознания и элементов просвещения многие интеллигенты принесли и остатки буржуазных и мелкобуржуаз-

⁵⁴ W. Strzelewicz. Die russische Revolution und der Sozialismus. Berlin—Hannover, 1956. Стрзелевич более социолог, чем историк. Им написана также книга «Industrialisierung und Demokratisierung der modernen Gesellschaft» (Hannover, 1958).

⁵⁵ K. Kautsky. Die Revision des Programms der Sozialdemokratie in Osterreich. Neue Zeit, Stuttgart, 1901—1902, Jg. XX; Bd. 1, SS. 68—82. См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 38.

⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 173.

ных предрассудков, против чего, в частности, предостерегали в «Циркулярном письме» К. Маркс и Ф. Энгельс.⁵⁷ Красной нитью в деятельности Ленина как организатора и руководителя революционной социал-демократии проходит борьба с мелкобуржуазными влияниями на рабочий класс и, соответственно, забота о том, чтобы возможно большее число рабочих находилось во всех звеньях руководства партийей. Так, например, в ноябре 1905 г. в статье «О реорганизации партии» Ленин писал: «На III съезде партии я выражал пожелание, чтобы в комитетах партии приходилось, примерно, 8 рабочих на 2 интеллигента. Как устарело это пожелание!

«Теперь надо желать, чтобы в новых организациях партии на одного члена партии из социал-демократической интеллигенции приходилось несколько сот рабочих социал-демократов».⁵⁸

Это пожелание Ленина отражало быстрый рост социал-демократического рабочего движения в России, причем из среды рабочего класса выделилось большое число способных руководителей, игравших в нем выдающуюся роль, а многие рабочие — профессиональные революционеры стали по своему социальному положению интеллигентами, участвуя в качестве таковых и во внесении социалистического сознания в рабочее движение.

Пролетарский характер революционного рабочего движения в России, возглавляемого большевиками, отчетливо проявлялся в том, что влияние партии большевиков было наиболее сильным среди рабочих крупных промышленных центров, в то время как меньшевиков поддерживали рабочие мелких предприятий и ремесленники, т. е. те слои, среди которых были особенно сильны мелкобуржуазные тенденции. Это очень важное обстоятельство, отмеченное Гитерманом,⁵⁹ замалчивается в западногерманской буржуазной историографии, в том числе и в специальной работе Ливайтера, который в своем преувеличении роли интеллигенции в русском рабочем движении дошел до того, что говорит о нем, как о «пролетарском» (в кавычках).⁶⁰

Стрзелевич, развивая свои взгляды относительно различий между русскими и западноевропейскими социал-демократами, пишет о том, что если последние выросли в борьбе с либералами, то первые выросли в борьбе с эсерами — продолжателями дела народников, которых Запад якобы не знал.⁶¹

⁵⁷ Там же, стр. 174.

⁵⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 90.

⁵⁹ V. G i t e r m a n n. Geschichte Russlands, Bd. III, S. 444.

⁶⁰ O. A n w e i l e r. Die Rätebewegung in Russland, S. 38. Книга Ливайтера, в которой обобщен ряд его опубликованных ранее статей на эту тему, издана в качестве V т. серии «Studien zur Geschichte Osteuropas», в редактировании которой принимают участие ведущие буржуазные специалисты по изучению Восточной Европы из ФРГ, США, Италии П. Шуберт, М. Карпович, А. Амман (P. Schubert, M. Karpovitch, A. Aminann) и др.

⁶¹ W. S t r z e l e w i c z. Die russische Revolution. . . , SS. 24—22.

Иными словами, наш автор сосредоточивает внимание на различиях второстепенных, а отчасти и мнимых, умалчивая о различиях действительных и основных, из которых он упоминает лишь об отсутствии на Западе выработавшегося в России типа революционера — профессионала подпольщика. Действительно, рабочая, социал-демократическая революционная партия нового типа была создана под руководством В. И. Ленина в России, где не было условий для легального рабочего движения — профсоюзного и политического. Поэтому верно, что социал-демократам в России почти не пришлось бороться за влияние на рабочий класс с русскими либералами — кадетами; борьба за это влияние велась не столько, как пишет Стрезелевич, между социал-демократами и народниками, затем эсерами, которые главное внимание обращали на крестьянство, сколько, в гораздо большей степени, между революционным и оппортунистическим течениями в самой социал-демократии.

Борьба же между марксистами и народниками в России была борьбой прежде всего среди интеллигенции по вопросу о путях дальнейшего развития России и о содержании и формах революционной борьбы, причем неверно утверждение Стрезелевича, будто бы на Западе не было подобной борьбы и Запад вообще не знал течений, аналогичных или сходных с русским народничеством. Одним из идейных течений в Германии, в борьбе с которым формировались взгляды Маркса и Энгельса, был «христианский социализм», возглавлявший в 30-х и в начале 40-х годов надежды на то, что Германия минует стадию капиталистического развития.⁶² Многие идеи «немецкого народничества» выросли из французского утопического социализма, научная критика которого — великая историческая заслуга Маркса и Энгельса.

Следует добавить, что в той мере, в какой русским социал-демократам приходилось бороться с народниками-эсерами за влияние на трудящихся, борьба эта имела много общего с борьбой социал-демократических партий Запада против анархистов, предшественниками которых в России были тоже народники, но анархизм в России был относительно слабее, чем в романских странах.

Концентрируя внимание только на отличиях российского рабочего движения от западноевропейского, Стрезелевич и Анвайлер «забыли» о таком важном отличии, как значительно меньшая, не только абсолютно, но и относительно, численность рабочей аристократии в России, что ослабляло влияние оппортунизма в российском рабочем движении и имело существенное значение для победы «революционного варианта» решения стоявших перед Россией исторических задач.

⁶² См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология; Ф. Энгельс. Истинные социалисты. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 455—586; см. также: П. А. Берлин. Очерки общественной жизни и мысли в Германии (30-е и 40-е годы). Ростов н/Д—Краснодар, 1924.

В то время как работа Стрелевича построена на общих суждениях о революции в России и о «русском социализме», Анвайлер оперирует очень большим числом отдельных фактов и документов, претендуя на серьезную научную и, конечно, объективную разработку вопроса о Советах в России — вопрос этот является неотъемлемой частью общего вопроса об объективных политических и субъективных предпосылках революции в России. Обращение Анвайлера к избранной им теме отнюдь не означает, что он действительно признает подлинную роль народных масс в истории. Вывод, к которому он подводит своих читателей, сводится к противопоставлению Советов коммунистической партии⁶³ и к «обоснованию» таким образом тезиса, согласно которому победа Октябрьской революции не означала установления диктатуры пролетариата.

Значительное число привлеченных Анвайлером советских документальных материалов и работ советских авторов, а также широкий круг частных вопросов, по которым он делает иногда правильные замечания и выводы, если только они не противоречат его основной, охарактеризованной выше, предвзятой клеветнической «концепции», должны убедить западногерманских читателей в объективности и научной основательности его книги.⁶⁴ Однако советские источники и литература используются Анвайлером лишь для извлечения некоторых фактических данных, в интерпретации же этого материала он следует в основных вопросах за такими антисоветскими авторами, как Ф. Боркенау, Р. Даниельс, В. Гуриан, В. Маутнер, П. Шайберт, не останавливаясь, как будет показано ниже, и перед неправильным, недобросовестным использованием источников.

Начинает Анвайлер издали, с вопроса о революционных предшественниках Советов, к числу которых он правильно относит солдатские Советы агитаторов в английской революции и парижские Секции в период революции XVIII в. во Франции, а затем Парижскую Коммуну, однако он утверждает, будто бы демократические и федералистские принципы Коммуны, так же как и идеи Прудона и Бакунина, которых он считает «теоретическими предшественниками» Советов, были, якобы, в дальнейшем извращены централистскими идеями Маркса и Ленина. В действительности и Маркс, и Ленин были сторонниками гармоничного сочетания федералистского и централизаторского принципов, как

⁶³ Таковую же концепцию развивает и историк рабочих и солдатских Советов во время революции в Германии в 1918 г. В. Тормин (W. T o r m i n. Zwischen Räte-diktatur und Soziale Demokratie. Düsseldorf, 1954). Ведет свое начало эта «концепция» от клеветы контрреволюционеров на Советы в России и в Германии в 1917 и 1918 гг.

⁶⁴ Анвайлером использованы протоколы многих съездов и конференций партии большевиков и съездов Советов, труды М. Н. Покровского, Е. М. Ярославского, А. Г. Рашина, Э. Н. Бурджалова, Е. Н. Городецкого, Е. Д. Черменского и мн. др.

того требуют успех борьбы за завоевание и упрочение власти трудящихся и интересы всестороннего развития общества, и это сочетание является основой функционирования Советов.

Называя в качестве непосредственных предшественников Советов в России рабочие кассы взаимопомощи и стачечные кассы, Анвайлер подчеркивает, что для его исследования особенно интересна такая форма рабочего движения, как избрание рабочими своих уполномоченных во время стихийных стачек по предложению властей или предпринимателей для изложения требований забастовщиков. Для его «исследования» подобные факты, действительно, «особенно интересны», ибо таким путем «выясняется» якобы неподготовленность и неспособность рабочих к самостоятельной организации.⁶⁵ Линию эту вместо выявления активной, творческой роли масс Анвайлер проводит в своей работе и дальше с тем, чтобы объяснить своим читателям, каким образом Советы стали «жертвой злокозненных большевиков».⁶⁶

Между тем Анвайлер не учитывает того очевидного обстоятельства, что предложение властей или администрации забастовщикам о выделении представителей для передачи своих требований вовсе не означало отсутствия у рабочих организации (в том или ином виде), подготовившей забастовку, или отсутствия вожаков даже в стихийно возникшем выступлении.

Анвайлер не случайно не уточняет страниц использованных им номеров журнала «Красный Архив», ибо в цитируемом им докладе товарища министра внутренних дел Святополк-Мирского Николаю II о беспорядках на многих заводах Петербурга в 1901 г. лишь в одном случае упоминается о том, что рабочим было предложено избрать уполномоченных, но зато в докладе содержатся данные о революционной организации, руководившей движением,⁶⁷ о чем Анвайлер умалчивает. Казалось бы, именно здесь, в том, что создано активностью самих рабочих, надо искать прежде всего непосредственных предшественников Советов.

В другом номере «Красного Архива», использованном О. Анвайлером, в действительности говорится лишь о том, что во время стачки ткачей в Иваново-Вознесенске в 1895 г. «рабочие послали от себя выборных в количестве 25—30 человек к фабричному инспектору».⁶⁸ Кроме того, в статье содержатся данные об активном участии в руководстве стачкой Ивано-Вознесенского рабо-

⁶⁵ Такой подход к изучению истории рабочего движения в России напоминает «доказательство» Гитерманом неспособности к самостоятельной организации русской буржуазии.

⁶⁶ «Духовным отцом» этой концепции является Артур Розенберг, по мнению которого Советы в России были обречены на то, чтобы стать «жертвой большевиков». (A. R o s e n b e r g. Geschichte des Bolschewismus von Marx zur Gegenwart. Berlin, 1932).

⁶⁷ См.: Красный Архив, 1936, т. 3 (76), стр. 49—66.

⁶⁸ Там же, 1935, т. 5 (72), стр. 114.

чего союза,⁶⁹ что опять-таки Анвайлера не заинтересовало. Прошел он и мимо той части донесения полицейских о забастовке ткачей в Твери в 1885 г., где наряду с сообщением о предложении рабочим выделить представителей для изложения своих требований приводятся данные о связях тверских ткачей с участниками известной забастовки в Орехово-Зуево в том же году.⁷⁰

Из поля зрения Анвайлера при характеристике им «ранних форм русского рабочего движения» (чему посвящен специальный раздел его работы) выпали (!) даже такие организации, как «Южно-российский союз рабочих» (1875 г.) и «Северный Союз русских рабочих» (1878—1880 гг.).

Неумение и нежелание Анвайлера сосредоточить внимание на росте сознательности, активности и организованности рабочего движения проявились и в его одностороннем подходе к объяснению причин провала зубатовщины, что произошло, по его мнению, лишь в результате «неподготовленности царского правительства» к тому, чтобы сделать минимум действительных уступок в области рабочего самоуправления и в деле создания эффективного социального законодательства.⁷¹ Но ведь реакционность и косность царизма — это только одна сторона дела. Другая сторона состоит в том, что рабочее движение неизбежно переросло те рамки, которыми его хотели ограничить с помощью «полицейского социализма». Лучше Анвайлера понял это Римша, назвавший зубатовщину «опасной игрой с огнем».⁷² Попутно отметим, что попытки создать «рабочее движение», которое контролировалось бы правительством или предпринимателями, характерны для истории классовых борьбы в очень многих странах.⁷³

Анвайлер вынужден признать, что Советы в 1905 г. представляли собой созданные по инициативе народа демократические организации, способные отстаивать права угнетенных слоев, и что они создали прочную революционную традицию, являясь предшественниками Советов 1917 г.⁷⁴ Однако причины появления и огромного значения, особенно в 1917 г., этой формы организации масс в России он видит лишь в том, что в России в отличие от Запада не было сильных профсоюзов и парламента. Оба эти обстоятельства, действительно, имели значение, но не следует забывать, что наличие на Западе сильных профсоюзов и парламента не помешало тому, что «русский пример» с организацией Советов оказался весьма «заразительным» для трудящихся За-

⁶⁹ См.: там же, стр. 12.

⁷⁰ См.: там же, 1936, т. 6 (79), стр. 36.

⁷¹ O. Anweiler. Die Rätebewegung in Russland, S. 31.

⁷² H. Rimscha. Geschichte Russlands, S. 479.

⁷³ Гитерман в поисках самых отдаленных предтеч зубатовщины добрался даже до предложений Гая Красса в Риме в 122 г. до н. э. (V. Giterman n. Geschichte Russlands, Bd. III, S. 383).

⁷⁴ O. Anweiler. Die Rätebewegung in Russland, S. 79.

пада после первой мировой войны, когда власть капитала зашаталась во многих странах. И в дальнейшем максимальное обострение классовой борьбы в той или иной стране не раз приводило к внепарламентским и «внепрофсоюзным» массовым действиям, которые облекались в организационную форму, аналогичную Советам.

Если в работах по дореволюционной истории России буржуазные историки часто и много рассуждают о влиянии Запада на Россию, то в ряде работ по новейшей истории им приходится уже заниматься вопросом о влиянии Великой Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР на весь остальной мир. Однако и в этом случае метод преувеличения и подчеркивания различий между Западом и Востоком остается одним из основных в их идейном арсенале.

«Промежуточную» позицию между Хэтчем и Лембергом в проблеме «Россия и Запад» пытается занять Штёкль, который заканчивает «Русскую историю» словами: «Мучительный вопрос, в какой мере Россия принадлежит Европе, будет решен историками будущего».⁷⁵ Хотя подобное заключение по сути дела сближает позицию Штёкля с позицией Лемберга, противопоставляющего Россию Западу, в своей работе Штёкль сосредоточивает внимание не на надуманных аналогиях и ошибочных противопоставлениях, а «просто» на многих важнейших событиях и фактах русской истории. По дореволюционному периоду работа Штёкля, значительно уступающая по объему трехтомной истории Гигермана, является после нее самой подробной в немецкой буржуазной историографии, хотя она вышла в научно-популярной «карманной» серии издательства Кронер.⁷⁶

О внимании Штёкля к проблеме предпосылок революции в России свидетельствуют и названия, и объем соответствующих глав его книги.⁷⁷ Штёкль пытается даже полемизировать, ломаясь

⁷⁵ G. S t ö k l. Russische Geschichte. . . , S. 767.

⁷⁶ Далее на стр. 233—234 текста страницы книги Штёкля (G. S t ö k l. Russische Geschichte. . .) указываются в скобках. «Карманная» серия издательства Кронер («Kroners Taschenausgabe») специализирована на литературе преимущественно по гуманитарным наукам (и теологии), причем наряду с книгами современных авторов издаются труды Маркса («Капитал» и ранние работы), Гегеля, Канта, Гейне, Руссо, Шестоподци, Аристотеля, Геродота, Платона, Плутарха, Тацита, Эпикура, Макиавелли, но наиболее полно представлен Цицце (10 работ), а «заодно» издано и «Немецкое воипство» («Deutsche Soldatentum. Dokumente und Selbstzeugnisse»). «Объективно» скомплектованная «карманная» серия Кронера — пример искусного распространения буржуазной идеологии.

⁷⁷ Главы, охватывающие период с 1861 по 1914 г. («Упадок империи», «Революционное движение» и «От революции к революции»), занимают 90 страниц. Периоду с 1914 по 1921 гг. (главы «Война и революция», «Рево-

при этом «в открытую дверь», с советской историографией, которая с опозданием начинает (по его мнению) «летосчисление периода капитализма» в России лишь с 1861 г., в то время как промышленная революция в России охватывает весь XIX в. (стр. 561). В действительности хотя общепринятая в советской историографии периодизация датирует период капитализма в России со времени наделения крепостного права — основного препятствия на пути развития капитализма — одновременно в работах советских историков показано как развитие капитализма в первой половине XIX в.,⁷⁸ так и то, что во второй половине XIX в., и особенно в конце XIX в., оно шло значительно быстрее, чем прежде.

Об этом же говорят немецкому читателю многочисленные цифры, удачно подобранные в работе Штёкля. В отличие от Гитермана Штёкль характеризует русскую буржуазию как «инициативную и щедрую» (стр. 563). Правильное замечание о том, что успехи развития капитализма во второй половине XIX в. не превратили Россию в индустриальную страну, он подтверждает, в частности, данными о русском экспорте, в котором в период с 1861 по 1900 г. доля сельскохозяйственной продукции выросла с 31 до 77% (стр. 565).

Отмечая, что в России 3 млн промышленных рабочих приходилось на 100 млн крестьян, Штёкль одновременно придает особое значение большой концентрации пролетариата в Петербурге и в Москве как факту, благоприятствующему революции (стр. 566). Подобно многим другим западногерманским историкам, положение рабочих в России во второй половине XIX в. (условия труда, размеры и формы заработной платы, жилищные условия, труд женщины и детей и т. д.) он характеризует как чрезвычайно тяжелое, «типичное для ранних стадий развития капитализма», а политику правительства — как близорукую и антинародную (*gesellschaftsfeindlich*), благоприятствующую революции (стр. 564—565).⁷⁹

люция и война») отдано 50 страниц. В библиографии к этим главам Г. Штёкль приводит названия нескольких десятков советских документальных публикаций и многих трудов советских авторов. В еще большем количестве использует он работы буржуазных авторов, в подавляющем большинстве американских и английских.

⁷⁸ См.: П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. 1. М., 1956, раздел VI; С. Г. Струмилин. Промышленный переворот в России. М., 1944; П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX века. М., 1947; В. И. Яковлевский. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953; В. С. Виргинский. Возникновение железных дорог в России до начала 40-х годов XIX в. М., 1959. (Мы упоминаем лишь небольшую часть тех работ, которые могли быть использованы Штёклем до 1962 г.)

⁷⁹ См. также: E. Hanisch. Geschichte Russlands, Bd. II, SS. 15—17, 116; G. Rauch. Geschichte des bolschewistischen Russland, SS. 25—26, 50; E. Gruner und E. Sieber. Weltgeschichte des 20. Jahrhunderts, SS. 38—39; O. Anweiler. Die Rätebewegung in Russland, SS. 25—31.

Уделяя революции 1905—1907 гг. столько же места в своей книге, сколько и политике Столыпина, что характерно для позиции Штёкля по вопросу о роли народных масс в истории, ничего не сообщая о новом революционном подъеме в предвоенные годы, он упоминает лишь об оживлении рабочего движения во время войны. В противоположность Гитерману он утверждает, будто бы стачечное движение во время войны *утратило* свой целенаправленный политический характер и стало выражением беспокойства и отчаяния в связи с переживаемыми трудностями и лишениями. Мотивирует он это утверждение изменением социального состава рабочего класса и тем, что война и репрессии ослабили социал-демократов (стр. 629—630).

Анализируя положение в стране во время войны, политику царского правительства и деятельность Государственной думы, Штёкль приходит к выводу, что «к середине войны правительство оказалось совершенно изолированным, но и Дума не пользовалась поддержкой народа».

Этими фактами в значительной мере и объясняется легкость свержения самодержавия и возникновение двоевластия. Временный комитет Государственной думы, а затем Временное правительство хотели бы взять всю полноту власти, пишет Штёкль, но не могли без согласия Советов, в то время как Советы вполне могли это сделать, но не хотели, полагая, что революция должна пройти сначала буржуазный этап. «Уж если саму революцию (в феврале, — В. Б.) с трудом можно было назвать буржуазной, — иронизирует Штёкль, характеризуя доктринерскую позицию соглашателей, — то по крайней мере пусть хоть правительство будет буржуазным» (стр. 638). Штёкль, как и многие другие буржуазные историки, косвенно показывает, таким образом, решающую роль народных масс в революции, народный характер которой отрицать невозможно. Однако он далек от того, чтобы раскрыть эту проблему во всей полноте.

Книга Штёкля не оставляет у читателя сомнений в том, что политические симпатии ее автора принадлежат тем, кто находился на противоположной большевикам стороне баррикады. Так, Штёкль повторяет клевету врагов социалистической революции в 1917 г., будто бы В. И. Ленин, большевики «любой ценой» стремились к захвату власти, используя для этого тактику Бакунина и Нечаева.

Если Штёкль в качестве «доказательства» ссылается на слова смертельно больного и раздраженного Г. В. Плеханова, то Анвайлер, также повторяющий эту клевету, действует тоньше: на нескольких десятках страниц он «комментирует» надерганные им цитаты из высказываний В. И. Ленина и документов партии большевиков периода 1917 г. по вопросу о завоевании власти, совершенно смазывая остальные программные требования большевиков, т. е. смазывая именно то, во имя чего велась борьба за власть.

Таким образом, он пытается доказать читателям, будто бы для партии большевиков, для В. И. Ленина завоевание власти было самоцелью.

Штёкль вынужден признать, что ход событий 1917 г. все более и более подтверждал правильность оценки политической обстановки, которая дана была В. И. Лениным в «Апрельских тезисах», и что Временному правительству не удалось установить контроль над непрерывно развивающейся революцией. Однако утверждая, будто бы к моменту Октябрьского вооруженного восстания партия большевиков завоевала большинство только (!) в Советах Петрограда и Москвы, он «заключает», что вместо сброшенных с исторической сцены прежних правящих классов на авансцену выступили не «народные массы» (кавычки Штёкля), а русские коммунисты во главе с В. И. Лениным.

Анвайлер и в этом вопросе аргументирует тоньше: он показывает, что накануне Октября партия большевиков пользовалась растущим влиянием в рабочих Советах большинства индустриальных центров и в большинстве гарнизонных солдатских Советов, причем и левые эсеры, имевшие очень сильные позиции в солдатских и крестьянских Советах, и даже максималисты и анархисты поддерживали большевиков. Таким образом, Анвайлер вынужден по существу согласиться с анализом расстановки сил в октябре—ноябре 1917 г., который содержится в ленинской статье «Учредительное собрание и диктатура пролетариата».⁸⁰ Тем не менее Анвайлер пытается противопоставить партии большевиков Советам на том основании, что в отличие от французского Национального собрания, которое «само взяло власть в 1789 г.», Временное правительство было свергнуто большевиками, которые узурпировали власть за спиной большинства Советов, а затем по тактическим соображениям передали ее Советам, сделав их фасадом своей партийной диктатуры.⁸¹

Но если партия большевиков передала Советам власть после октября, то завоевание власти в октябре не могло быть узурпацией. Позиция Анвайлера основывается не на фактах (даже содержащихся в его книге — она им противоречит), а на предвзятом антикоммунизме самого автора. Лучшим опровержением его выводов является напоминание о мощной народной поддержке Октябрьского переворота и о борьбе трудящихся за упрочение и развитие Октябрьской революции.

Если несмотря на решающее влияние большевиков и поддерживающих их левых эсеров в Советах, в том числе и на II съезде Советов,⁸² ЦК партии большевиков по настоянию В. И. Ленина все же принял решение свергнуть Временное правительство,

⁸⁰ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 40, стр. 1—24.

⁸¹ О. Anweiler. Die Rätebewegung in Russland, S. 273.

⁸² См.: Второй Всероссийский съезд Советов. М., 1928, стр. XXIV—XXXVI.

не дожидаясь открытия II съезда, это объяснялось необходимостью предотвратить вторую корниловщину. О ее подготовке Анвайлер, как и многие другие буржуазные историки, в отличие от Хэтча и голландского историка П. Боумана умалчивает.⁸³

Сегуя на то, что победа нового строя не была результатом парламентского решения, буржуазные историки забывают, что в периоды величайших революционных исторических потрясений ход событий определяется не по «правилам», за которые цепляются представители старого мира и их сикофанты (подобные Анвайлеру), ведь революция — результат и выражение несостоятельности прежних правил. Об этом очень ярко свидетельствует и Великая французская революция XVIII в., причем противопоставление Анвайлером Национального собрания 1789 г. II Съезду Советов неудачно не только потому, что политическая обстановка в обоих случаях была существенно различной, но и потому, что Национальное собрание находилось под огромным давлением народа и одновременно во всем, что оно предпринимало против короля и аристократии, оно опиралось на внепарламентские, насильственные действия масс. Но в то время как Национальное собрание вовсе не собиралось уничтожать монархию и отстаивало принцип легитимизма, «большевистское октябрьское восстание, — мог бы прочесть Анвайлер у другого антикоммуниста, А. Розенберга, — было направлено против властителей, которые сами себя назначили и которые до сих пор препятствовали созыву парламента».⁸⁴ Таким образом, даже Розенберг разъяряет Анвайлера, что большевики не нарушали демократию, а наоборот, восстанавливали ее. Даже Римша вынужден признать, что «Временное правительство узурпировало власть».⁸⁵

Но и Анвайлер и Розенберг сходятся на том, что оттяжка выборов в Учредительное собрание была огромной, «невероятной» ошибкой Временного правительства, эсеров и меньшевиков,⁸⁶ подводя, таким образом, своих читателей к выводу, будто бы «случайность» помешала предотвратить Октябрьскую революцию. Но была ли затыжка выборов в Учредительное собрание случайной? Ведь кадеты не пытались форсировать выборы в Учредительное собрание, так как знали, что останутся там в меньшинстве, а эсеры не торопились с выборами, ибо, как отмечает сам Розен-

⁸³ См.: O. Hoetzsch. Grundzüge einer Geschichte Russlands, S. 178; P. Bouman. Verschwörung der Einsamen. Weltgeschichte unserer Zeit. München, 1954, S. 207. Книга Боумана, издавшаяся в Голландии, выдержала в течение нескольких месяцев 12 изданий и была переведена на немецкий и английский языки. Методологические установки автора во многом вызывают возражения, но проблемы революции в России он освещает объективно.

⁸⁴ A. Rosenberg. Geschichte des Bolschewismus. . . , S. 101.

⁸⁵ H. Rimscha. Geschichte Russlands, S. 511.

⁸⁶ A. Rosenberg. Geschichte des Bolschewismus. . . , SS. 98—100; O. Anweiler. Die Ratebewegung in Russland, S. 260.

берг, они просто боялись получить большинство и оказаться у власти.⁸⁷ Так «случайность» при ближайшем рассмотрении оказывается необходимостью, т. е. в данном случае не просто оплошностью отдельных лиц, а действием, обусловленным всей политической линией тех партий, которые находились у власти в период от февраля до октября.

В начале статьи мы отметили, что вопрос о том, нельзя ли было предотвратить революцию, обычно в той или иной форме присутствует в работах буржуазных историков, склонных придумывать различные неиспользованные «возможности» к тому, чтобы ответ на этот вопрос мог быть утвердительным. Нам думается, что историкам-марксистам при критике буржуазной историографии не следует проходить мимо подобных соображений, развиваемых буржуазными авторами перед своими читателями, ибо если поставить вопрос шире, то речь здесь идет по сути дела о соотношении в ходе развития человеческого общества необходимости и случайности, которую в известных пределах марксизм отнюдь не отрицает. Иными словами, марксизм не отождествляет закономерность в истории общества с фатальной неизбежностью хода событий в том или ином месте, на каждом отдельно взятом отрезке времени. Оставлять в этом вопросе последнее слово за буржуазными авторами было бы явно неправильно.

Перечень «ошибок» правящих кругов России, а в дальнейшем всех общественных сил, противостоявших крайней партии революции — большевикам, оказывается очень длинным. Так, например, Лемберг сетует, что «освобождение крестьян было сопряжено с ошибкой (Fehlschlag), развязавшей в России социальный кризис», называя ошибкой то, что крестьяне не были достаточно обеспечены землей.⁸⁸ Выходит, будь царь и правящие круги умнее, и «ошибки», и социального кризиса можно было бы избежать. Однако Лемберг тут же опровергает подобный вывод, отмечая, что крестьянская реформа в России была произведена «таким же образом, как это обычно делалось в других странах»,⁸⁹ т. е. неблагоприятный для крестьян характер реформы определялся

⁸⁷ A. Rosenberg. Geschichte des Bolschewismus. . . , S. 100.

⁸⁸ E. Lemberg. Osteuropa und die Sowjetunion, S. 143. Далее Лемберг продолжает: «В итоге возникли условия для формирования революционного рабочего класса, которому суждено было в Великой революции стать во главе широких масс крестьянского пролетариата». В данном случае Лембергу удалось более четко, чем многим его коллегам, сформулировать тезис о движущих силах революции.

⁸⁹ Исключением были лишь аграрные реформы в Австрии в конце XVIII в. при Иосифе II (продиктованные, как и в России, страхом, что если не освободить крестьян «сверху», они освободят себя «снизу»), отмененные после его смерти.

не просто глупостью правящих кругов, а был выражением классовых интересов, классового эгоизма помещиков.

Хэтч также не избежал соблазна порассуждать о возможности предотвратить свержение самодержавия. «Никто не знает, — пишет он, — не привел ли бы путь, избранный в конце концов Александром II, к мирному развитию страны, но путь Александра III и Николая II вел к революции. . . , поскольку с помощью бюрократии и полиции они сделали бесплодными реформы предыдущего царствования». ⁹⁰ Г. Штёкль в данном вопросе занял более правильную позицию, констатируя, что «три последних царя неуклонно придерживались авторитарического курса. Смена лиц означала лишь некоторую смену методов». ⁹¹ Хэтч явно переоценил возможное значение реформ Александра II. Даже по мнению реакционера Римши, их «неудача объясняется их половинчатостью. . . 1917 год показал русским либералам, в чем должны были заключаться полноценные реформы». ⁹²

Но несколькими страницами ниже сам Римша пустился в рассуждение о том, что «Николай II не использовал возможность, которую открывало шествие рабочих 9 января. Если бы были применены слезоточивый газ и вода, то развитие, возможно, приняло бы другой оборот». ⁹³ Однако кровавое преступление 9 января 1905 г. отнюдь не было случайным, а представляло собой естественное проявление господствовавшего в России антинародного полицейского режима. ⁹⁴

Значительные «возможности» предотвратить революцию открывало, по мнению многих буржуазных историков, длительное осуществление столыпинской аграрной политики. В этом согласны и Хэтч, и Римша и Руффман (автор уже упомянутой обширной главы «Россия» во «Всемирной истории современности»). ⁹⁵ Последний ссылается на Штёкля, который в действительности по данному вопросу пришел к выводу, что хотя «аграрная политика Столыпина была, бесспорно, на правильном пути», однако царизм был неспособен обеспечить необходимого для ее успеха «длительного спокойного развития». ⁹⁶

Руффман усмотрел в «последовательном расширении политических и духовных основ политики Столыпина» не только возмож-

⁹⁰ O. Hoetzsch. Grundzüge einer Geschichte Russlands, S. 147.

⁹¹ G. Stöckl. Russische Geschichte. . . , S. 559.

⁹² H. Rimscha. Geschichte Russlands, S. 468.

⁹³ Там же, стр. 490.

⁹⁴ См.: В. Певский. Январские дни в Петербурге. Красная летопись, 1922, № 1; С. А. Семанов. Кровавое воскресенье. Л., 1965.

⁹⁵ O. Hoetzsch. Grundzüge einer Geschichte Russlands, S. 166; H. Rimscha. Geschichte Russlands, SS. 498—499; K. Ruffmann. Russland. In: Weltgeschichte der Gegenwart, Bd. 1. Bern—München, 1962, S. 31.

⁹⁶ G. Stöckl. Russische Geschichte. . . , SS. 607—608. Многие буржуазные историки отмечают и обострение классовых противоречий в итоге Столыпинской аграрной политики.

ность эволюционного решения аграрной проблемы, но и путь к созданию парламентских традиций,⁹⁷ однако Штёкль и здесь «поправляет» Руффмана, называя столыпинские порядки «сомнительными», а цели — «далеко не все благотворными».⁹⁸ Любезные сердцу Руффмана «духовные основы» столыпинской политики представляли собой жесточайшие репрессии против революционного движения и ликвидацию даже тех ограниченных «парламентских» уступок, которые были вырваны у царизма революцией 1905 г.

Руффман приписывает В. И. Ленину мнение, будто столыпинская аграрная политика уменьшила шансы на социальный взрыв.⁹⁹ В действительности же В. И. Ленин неоднократно подчеркивал провал тех планов, которые правящие верхи связывали с политикой Столыпина. Так, в 1910 г. В. И. Ленин писал, что «чем больше помогает царь и Дума крестьянам-богачам разорять массу крестьян, тем сознательнее становится эта масса, тем меньше будет она сохранять веру в царя. . . С каждым днем все больше становится в деревне сельских рабочих, — им негде искать спасения, кроме как в союзе с городскими рабочими для общей борьбы».¹⁰⁰

Предвидение это в точности подтвердилось в 1917 г. Провал столыпинской аграрной политики подробно исследован советскими историками.¹⁰¹

Как серьезнейшую ошибку царизма, которая привела к революции, рассматривает Руффман вступление России в первую мировую войну, объясняя этот шаг лишь «близорукой политикой престижа».¹⁰² Умалчивая об основных причинах мировой войны и мощном революционном подъеме в России, который был временно прерван войной (о последнем обстоятельстве пишут многие буржуазные историки),¹⁰³ Руффман развязно заявляет, что «возникновение новой революционной ситуации обязано не ленинским лозунгам, так как репрессии правительства нанесли большевикам большой урон и дезорганизовали их ряды. . . , а поражением в войне».¹⁰⁴

Подобно всем контрреволюционерам, Руффман рассматривает революцию как результат подстрекательства злокозненных «сму-

⁹⁷ К. Ruffmann. Russland, S. 317.

⁹⁸ G. Stöckl. Russische Geschichte. . . , S. 608.

⁹⁹ К. Ruffmann. Russland, S. 317.

¹⁰⁰ В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 19, стр. 422—423.

¹⁰¹ См.: Н. И. Карпов. Аграрная политика Столыпина. Л., 1925; С. М. Дубровский. Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX в. М., 1963.

¹⁰² К. Ruffmann. Russland, S. 318.

¹⁰³ O. Hoetzsch. Grundzüge einer Geschichte Russlands, S. 172; V. Gittermann. Geschichte Russlands, Bd. III, SS. 448, 375; O. Anweiler. Die Ratebewegung in Russland, SS. 120; E. Gruner und E. Sieber. Weltgeschichte des 20. Jahrhunderts, S. 39; G. Rauch. Geschichte des bolschewistischen Russland, S. 48.

¹⁰⁴ К. Ruffmann. Russland, S. 318.

тьянов», искусно использующих «ошибки» правительства и правящих классов. Не случайно в статье Руффмана обходится вопрос о глубоких классовых противоречиях в России, хотя он и правильно отмечает, что движущими силами революции были рабочие и крестьяне, причем «решающая динамическая сила исходила от рабочего стачечного движения».¹⁰⁵

Верно, что репрессии в период войны нанесли серьезный урон большевистской партии, однако неправильно утверждать, будто бы ее ряды были дезорганизованы.¹⁰⁶ Данные об активной и успешной революционной работе большевиков и о новом подъеме рабочего движения во время войны имеются и в ряде работ буржуазных авторов.¹⁰⁷ В частности, Анвайлер, отмечая оживление рабочего движения с лета 1915 г., приводит к выводу, что уже к осени 1916 г. оно стало опасным для правительства.¹⁰⁸

Особенно преувеличивает значение войны в качестве основной причины революции Эрвин Хельцле,¹⁰⁹ хотя этой его позиции противоречит его собственное утверждение, что в решении русских правящих кругов объявить войну Германии сыграло большую роль желание предотвратить назревавшую революцию.¹¹⁰

Бесспорно, что война резко обострила экономический и политический кризис всей империалистической системы, но ведь не война этот кризис создала. Наоборот, сама война была порождена глубокими коренными империалистическими противоречиями, а в известной мере и кризисными явлениями в ряде европейских стран.

Продолжение войны считается очень многими буржуазными историками «решающей ошибкой» со стороны Временного правительства, в результате которой был упущен «последний шанс» предотвратить революцию. Все же подобное мнение не единодушно. Так, например, Римша в рецензии на упомянутую книгу Хельцле называет спорным утверждение последнего, что Временное правительство не удержалось у власти лишь потому, что стояло за войну.¹¹¹ Действительно, помимо того, что Временное правительство не могло прекратить войну, не перестав быть «самим собой» (из буржуазных историков это хорошо показал Гитерман),¹¹²

¹⁰⁵ Там же, стр. 313—314.

¹⁰⁶ См.: Партия большевиков в годы нового революционного подъема. Документы и материалы. М., 1962. Освещается этот вопрос и в литературе прошлых лет, см.: И. А. М е н и ц к и й. Русское рабочее движение и РСДРП накануне войны (1912—1914 гг.). М., 1923; Ф. А. А н д е р с о н. Партия в годы реакции и подъема. Харьков, 1930; К. А. О с т р о у х о в а. Партия большевиков в годы нового революционного подъема. М., 1954.

¹⁰⁷ См. стр. 222.

¹⁰⁸ O. A n w e i l e r. Die Rätebewegung in Russland, SS. 119—124.

¹⁰⁹ E. H e l z l e. Lenin 1917. Die Geburt der Revolution aus dem Kriege. München, 1957.

¹¹⁰ E. H e l z l e. Das Kriegsproblem in der Russischen Revolution 1917. Osteuropa, 1962, № 7, S. 476.

¹¹¹ Neue Politische Literatur, 1958, № 10, S. 817.

¹¹² См. выше, стр. 224.

оно выражало интересы классов, ожесточенно противящихся тем социальным переменам, которых решительно требовали народные массы, это вынужден признать даже Раух.¹¹³

В том, что революция в России «выросла» из войны, буржуазные историки усматривают коренное принципиальное различие между предпосылками революции в России и в западноевропейских странах в XIX в. Особенно подробно попытался разработать вопрос о таком различии американский историк, выходец из Германии, Теодор Лауэ в докладе, прочитанном в «Свободном Берлинском университете» в 1956 г.¹¹⁴ Даже то обстоятельство, что развитие России шло таким же путем, как и развитие стран Запада, что используется Хэтчем в качестве аргумента против попытки «оторвать» Россию от Запада, Лауэ рассматривает как аргумент для обоснования такого отрыва. Каков же ход его рассуждений?

Принципиальное отличие французской революции XVIII в. от Великой Октябрьской революции состоит, по мнению Лауэ, в том, что первая развивалась «изнутри», под влиянием непосредственно французских идей, в России же как революционная идеология (марксизм), так и сама индустриализация страны были заимствованы у Запада. «Критика и подрыв существующих отношений в России, — пишет Лауэ, — были привнесены извне путем сравнения собственных отсталых отношений с западноевропейским образцом».

Хотя Лауэ вскользь признает, что «английский пример влиял на подготовку идеалов 1789 г.», но он явно недооценивает это воздействие, а также влияние английской философии XVII в. на французских просветителей и на деятелей Великой французской революции. Однако можно с ним согласиться, что влияние марксизма как цельного мировоззрения, научно воплощающего интересы и задачи рабочего класса, было относительно большим в России в конце XIX и XX в., чем влияние английской философии во Франции в XVIII в.

Но ведь главное состоит в том, что развитие капитализма в России, так же как и во Франции и в остальных странах, было прежде всего проявлением естественного внутреннего закономерного развития производительных сил и производственных отношений. Использование опыта других стран, где капитализм и порожденная им классовая борьба рабочих с буржуазией начали развиваться раньше, чем в России, могло лишь способствовать соответствующему ходу развития России, но никакой «пример» не может

¹¹³ G. R a u c h. Geschichte des bolschewistischen Russland, SS. 62, 74, 79.

¹¹⁴ T. L a u e. Die Revolution von aussen als erste Phase der russischen Revolution 1917. Jahrb. Geschichte Osteuropas, 1956, Bd. 4, H. 2, S. 138—158. Т. Лауэ выехал из Германии в США в 1937 г., будучи еще студентом. Автор ряда книг по истории СССР, в том числе «Sergei Witte and the Industrialization of Russia» (London—N. Y., 1963).

вызвать к жизни и никогда нигде не создавал произвольно новых общественных отношений. Капиталистический способ производства был «заимствован» Россией у обогнавших ее на этом пути западных стран не в большей мере, чем ранее он был «заимствован» Францией у Англии, а Германией — у Англии и Франции.

«Применение» марксизма на русской почве было также прежде всего проявлением и итогом естественного внутреннего развития общественных отношений в России. Потому-то и первые попытки «применить» марксизм на русской почве отделены от времени формирования марксизма на Западе примерно четырьмя десятилетиями.

Признавая, что Россия повторяла путь развития Запада и что в ней в итоге ускоренной индустриализации был создан рабочий класс («каждый знает, чем революция обязана рабочим», — добавляет Лауэ), он в конце концов приходит к тому, что его «интригующая» формула «революция извне» превращается в формулу «революция извне стала внутренней революцией». Однако формула эта тоже неточна, так же как неправильно и некоторое ее видоизменение у Римши, заявляющего, что революция в России «выросла отчасти из русских отношений, а больше (? — В. Б.) из занесенных из-за границы». В силу сказанного выше дело обстоит как раз наоборот.

Лауэ прав, отмечая, что во Франции «возник новый общественный слой, который уже в 1789 г. был способен стать носителем нового порядка», но он вступает в вопиющее противоречие с исторической правдой и даже со сказанным им самим о роли рабочего класса, когда неожиданно заявляет, будто в России «революционная сила исходила не от нового социального слоя, способного переделывать общество и государство по своему образу и подобию».

Что же в таком случае произошло в России, если не глубочайшее революционное преобразование общественного и государственного строя рабочим классом, ставшим во главе всех трудящихся в их общих интересах? Даже такие реакционные «остфоршеры», как Ханиш, Лемберг, Грунер и Зибер, Руффман и др., признают, что главной движущей силой и гегемоном русской революции был рабочий класс в союзе с беднейшим крестьянством.¹¹⁵

Несомненно, что Февральская буржуазная революция в России имела ряд особенностей по сравнению с буржуазными революциями XIX в. на Западе и что Великая Октябрьская социалистическая революция коренным образом отличается от буржуазных революций. Однако построения Лауэ по этому вопросу явно надуманны и неудачны.

¹¹⁵ E. H. Hanisch. Geschichte Sowjetrusslands. 1917—1941. Freiburg, 1947, S. 5; O. Hoetzsch. Grundzüge einer Geschichte Russlands, S. 154; E. Lemberg. Osteuropa und die Sowjetunion, S. 143; E. Gruner und E. Sieber. Weltgeschichte des 20. Jahrhunderts, SS. 38—39; K. Rufmann. Russland, S. 313.

Вдумчивое сопоставление общего и особенного в развитии отдельных стран очень интересно и может быть весьма плодотворным, однако буржуазные историки преувеличивают значение особенностей развития России, подводя тем самым читателей к выводу об отсутствии закономерной смены общественно-экономических формаций.

Рассматривая с различной степенью полноты и объективности (а зачастую и без последней) и с теми или иными ошибками проблему развития производительных сил и производственных отношений в России, и в частности вопросы о глубоких социально-экономических и политических противоречиях в стране, о несостоятельности «верхов» и о революционном движении, буржуазные историки освещают тем самым в той или иной мере предпосылки и причины падения самодержавия и последующей победы Великой Октябрьской революции, поскольку они признают, что Февральская революция не разрешила тех наболевших вопросов, которые стояли перед страной в тот период.

Отличительной особенностью подхода буржуазных историков к выяснению вопроса о предпосылках революции в России, в том числе и в рассмотренных нами более подробно лучших работах — Хэтча и Гитермана — является то, что проблема перерастания капитализма в России в его последнюю стадию, империализм, остается по сути дела вне поля их зрения. Показательно, что в т. 10 (XIX и XX вв.) последнего издания десятитомной Всемирной истории, в разделе «Экономическая и социальная структура», написанном известным в ФРГ историком Вильгельмом Тройе (W. Treue), рассматриваются применительно к России лишь последствия падения крепостного права и вопрос об индустриализации в конце XIX в.¹¹⁶

Буржуазные историки ограничиваются тем, что констатируют наличие в России уже к концу XIX в. высокоразвитого и высококонцентрированного современного промышленного капитализма (Hochkapitalism), удельный вес которого в экономике был все же еще недостаточен для превращения страны в индустриальную.

Буржуазных историков не интересуют такие вопросы, как развитие в России монополий, сращивание банковского и промышленного капитала и возникновение финансового капитала, его взаимоотношение с правительством, соотношение двух форм ввоза иностранного капитала и т. др., являющиеся предметом успешных изысканий советских историков.¹¹⁷ Между тем все эти вопросы

¹¹⁶ Historia Mundi. Ein Handbuch der Weltgeschichte in 10 Bänden, Bd. 10. Das 19 und 20. Jahrhundert. München, 1961, SS. 645—652.

¹¹⁷ См.: К. Н. Т а р о в с к и й. Советская историография российского империализма. М., 1964.

очень важны для правильного понимания русской экономики в конце XIX и в начале XX в. и для характеристики русской буржуазии (к которой буржуазные авторы проявляют такой большой интерес). Вопрос о монополистическом капитализме — один из основных в общей проблеме предпосылок социалистической революции в России, особенно если подходить к этой проблеме не только с целью выяснения причин политической победы пролетариата в октябре 1917 г., но и с тем, чтобы раскрыть причины последующего успеха социалистических преобразований.

Буржуазная историография не только не дает ответов на этот вопрос, но для нее характерна позиция, наиболее отчетливо изложенная у Римши, который, признав (вслед за Хэтчем и Гитерманом), что «причина краха либеральной демократии в России заключалась не в персональной несостоятельности руководителей (курсив мой, — В. Б.), а в сущности развивающейся через их голову революции»,¹¹⁸ формулирует затем «вывод», что «дальнейший процесс (после Октября, — В. Б.) развивается вопреки большевистским теориям (?!), в значительной степени независимо от объективных предпосылок, в противоречии с ними (?!), определяясь, в основном, людьми. . .».¹¹⁹ Далее Римша пишет о величайшем значении В. И. Ленина как «человека, делающего эпоху».

Признавая объективную обусловленность и неизбежность политической победы Октябрьской революции, Римша, как и другие буржуазные авторы, отказывается сделать то же самое в отношении ее экономической победы.

Буржуазные историки отнюдь не преуменьшают роли партии большевиков и ее вождя В. И. Ленина при выяснении причин победы Октябрьской революции. Но в буржуазной историографии не раскрывается то важнейшее обстоятельство, во многом объясняющее последующие успехи Советской власти, что руководящие кадры партии большевиков оказались способными превратиться из профессионалов, революционеров-подпольщиков, в государственных деятелей, стоявших на уровне тех задач, которые перед ними поставила история. Надо отметить, что эта сторона проблемы о субъективных предпосылках победы Октябрьской революции не разработана еще во всей полноте и в советской историографии.

Пробуждение к величайшей творческой активности широких народных масс, из среды которых выдвинулись многие тысячи способнейших руководителей на военном и хозяйственном фронте, также одно из важнейших обстоятельств, обусловивших триумфальное шествие Советской власти после Октября и последующие успехи социалистического строительства. Однако тщетно искать в буржуазной историографии освещения этого вопроса. Активная роль народных масс в Октябрьской революции в качестве

¹¹⁸ H. R i m s c h a. Geschichte Russlands, S. 519.

¹¹⁹ Там же.

условия ее победы рассматривается в буржуазной историографии лишь под тем углом зрения, что побеждала политическая линия той партии (конкретно партии большевиков), которая соответствовала интересам и стремлениям народа. Роль народных масс раскрывается, таким образом, только косвенно.

В буржуазной историографии часто утверждается, что революция в России произошла «не по Марксу».¹²⁰ Данный вопрос тесно связан с проблемой предпосылок и причин победы революции, но все же это отдельные вопросы.¹²¹ Пытаясь доказать, что Октябрьская революция не соответствовала учению Маркса, буржуазные историки ссылаются опять-таки на то, что революция в России «выросла» из войны. Несостоятельность такого аргумента была показана еще в 1918 г. В. И. Лениным в брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский». В. И. Ленин напомнил, что, «когда Каутский был еще марксистом, например, в 1909 году. . . , он отстаивал именно идею о неизбежности революции в связи с войной».¹²² Об этом же говорилось и в Базельском манифесте II Интернационала.

Энгельс еще в 1875 г. писал Бебелю о возможности революции в России в связи с «неизбежной войной между Германо-прусской империей и Россией»,¹²³ а в 1879 г. в «Циркулярном письме» Маркс и Энгельс возмущались тем, что оппортунисты — члены «Дюрихской тройки» — *зарекаются* использовать для развязывания революции какое-нибудь крупное событие из области внешней политики и вызванный им революционный подъем.¹²⁴ «Вырастание» революции из войны вовсе не идет вразрез с основным марксистским тезисом о противоречии между производительными силами и производственными отношениями как о главной предпосылке революции, ибо к социальной революции ведет лишь такая война, когда такое противоречие налицо; вместе с тем одного лишь этого противоречия еще недостаточно. Необходимыми условиями революции являются глубокий политический кризис, революционная ситуация и соответствующие субъективные предпосылки, т. е. прежде всего идейная и организационная подготовленность революционных сил.¹²⁵ Империалистические войны

¹²⁰ E. L e m b e r g. Osteuropa und die Sowjetunion, S. 13; W. P h i l i p p. Russland Aufstieg zur Weltmacht 1815—1917. In: Historia Mundi, SS. 248, 252; H. S ü n d e r m a n n. Die Erbe des falschen Propheten. Leoni, 1957, SS. 41, 57; T. B e c h e r t. Von Marx bis Chruschtschow. Godesberg, 1963, S. 531.

¹²¹ В статье В. С. Васюкова «Фальсификация закономерности Октябрьской революции французскими реформистами» (Вопр. истории, 1961, № 6, стр. 155—166) оба эти вопроса ошибочно отождествляются.

¹²² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 294.

¹²³ См.: К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Избранные письма. М., 1948, стр. 304.

¹²⁴ См.: там же, стр. 326.

¹²⁵ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 218—219.

в XX в. были мощными «ускорителями» революции, но это не означает, что политический кризис, революционная ситуация и революция невозможны без войны. Примером может служить кубинская революция 1959 г.

Тезис о противоречии между марксистской теорией революции и действительным ходом революции в России буржуазные историки пытаются обосновать и ссылаются на то, что промышленность в России не была ведущей отраслью народного хозяйства, а промышленный пролетариат составлял сравнительно незначительную часть населения. Однако Маркс и Энгельс вовсе не считали это необходимым для победы пролетарской революции. Наоборот, в то время когда Маркс и Энгельс разрабатывали теорию и тактику пролетарской революции, промышленность Франции и Германии была менее развита, чем промышленность России к 1917 г., и пролетариат далеко не составлял в этих странах большинства населения. В замечательной работе «Письмо ЦК союзу коммунистов», в которой обобщался опыт революции 1848 г. в Германии, Маркс и Энгельс обстоятельно разработали программу и тактику пролетарской партии в ходе углубления перманентной революции, т. е. в ходе перерастания революции буржуазно-демократической в пролетарскую в условиях, когда революция совершается в стране с многочисленной мелкой буржуазией и сильной мелкобуржуазной партией. Маркс и Энгельс имели в виду Германию середины XIX в., в которой они тогда переоценивали перспективы нового подъема революции, но ведь во многом аналогичное положение было и в России в 1917 г.

Правда, в дальнейшем, оценивая перспективы европейской революции, Маркс и Энгельс считали более вероятным, что революция начнется в нескольких более развитых в экономическом отношении странах одновременно. Однако главными положениями теории социалистической революции, созданной Марксом и Энгельсом, является обоснование закономерности революции, выведение ее общих причин и условий (противоречие между производительными силами и производственными отношениями, классовая борьба, роль пролетариата и его союзников, роль партии, значение остальных субъективных факторов и, наконец, вывод о необходимости диктатуры пролетариата), а не ответы на вопросы, когда и как она произойдет.

Поэтому марксисты-ленинцы считают, что В. И. Ленин, доказав возможность разрыва цепи империализма в ее наиболее слабом звене в результате обострения неравномерности развития отдельных стран¹²⁶ (это и произошло в России в 1917 г.), не «отказался от теории пролетарской революции Маркса», не создал

¹²⁶ Там же, стр. 354. Разумеется, развитие В. И. Лениным марксистской теории пролетарской революции этим далеко не исчерпывается, однако более подробное рассмотрение данного вопроса не входит в нашу задачу.

совершенно новую теорию, а развил марксистскую теорию в новых условиях.

Рассмотренные нами работы западногерманских историков подтверждают наш вывод, что буржуазные историки отнюдь не отрицают объективной социально-экономической и политической обусловленности Великой Октябрьской социалистической революции, а некоторые из них (Гитерман, Анвайлер, Римша) приходят к заключению о неизбежности ее победы в 1917 г. Однако все это не означает признания ими всеобщей закономерности смены капитализма социализмом.

Буржуазные историки переоценивают значение субъективного фактора в истории, споря между собой по этому вопросу лишь о деталях. Исключением из рассмотренных нами работ является только труд Гитермана.

Преувеличивая значение особенностей развития России (исключение составляют Хэтч и Юст), буржуазные историки очень широко применяют сравнительный метод. Нам думается, что историкам-марксистам необходимо, не ограничиваясь критикой построений буржуазных авторов, самим активно использовать этот метод.